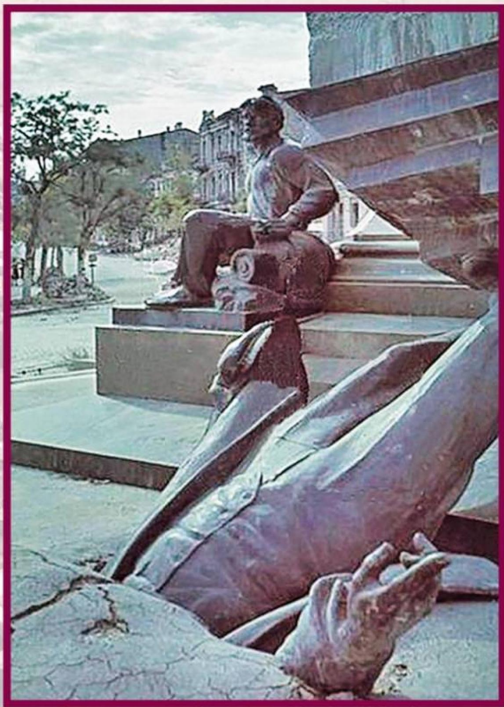

Евгений Решетов

**...ПРОСТО
БЫЛА ВОЙНА**
несколько дней жаркого
лета 1942 года

Решетов Евгений
...Просто была война.
Несколько дней
жаркого лета 1942 года

<https://litres.ru/74447559>

SelfPub; 2026

Аннотация

Последние дни июня 1942 года. Враг уже зашёл в Севастополь. Идут ожесточённые уличные бои. Наши войска отступают на последний рубеж обороны - мыс Херсонес. Безжизненное каменное плато, окружённое с трёх сторон морем, но без капли пресной воды. Беспощадно палящее знойное солнце. На крохотном пятачке сопротивления - скопление десятков тысяч наших бойцов и мирного населения. Боеприпасы на исходе, бензина нет, вся каменистая степь усеяна, ставшей уже бесполезной, брошенной техникой. Беспощадные удары германской авиации и сверхмощной артиллерии находят свои жертвы. Именно сейчас раскрывается мужество и стойкость наших бойцов. Героями романа стали наши офицеры и краснофлотцы, крестьяне и добровольцы, вчерашние школьники. В книге есть и конкретные исторические личности: адмиралы Октябрьский и Колчак, Керенский и Манштейн. Автор

намеренно ввёл и иностранные персонажи, чтобы показать одни и те же события, но уже с другой стороны - глазами врага. Роман актуален особенно сейчас в условиях СВО.

Решетов Евгений ...Просто была война. Несколько дней жаркого лета 1942 года

Евгений Решетов

Издательство «ЛИТГАЗЕТА ПЛЮС», Севастополь —
2025. 192 с. ISBN 978-5-600-04657-3

— *главный лауреат регионального конкурса на соискание
звания «Лауреат литературной премии им. Л.Н. Толстого»
в номинации «СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА», 2025 г.;*

— *лауреат международного фестиваля «Книга это бес-
смертие!» 2025 г.*

— *лауреат литературного конкурса в номинации «ПРО-
ЗА» Черноморского флота «ПОБЕДА!». 2025 г.*

— *Лауреат Всероссийского литературного конкурса «Ге-
рой нашего времени»,
Москва, 2025 г.*

**...ПРОСТО
БЫЛА**

ВОЙНА

несколько дней жаркого лета 1942 года

Роман-эпос

ЛИТГАЗЕТА ПЛЮС

2025

Р 47

ББК 84(2-2 Спл=411.2) — 4

УДК 821.161.1 — 3

Евгений Решетов. «...ПРОСТО БЫЛА ВОЙНА.

Несколько дней жаркого лета 1942 года». Роман-эпос. Севастополь, 2025. 192 с.

Автор, профессиональный историк-исследователь, в жанре художественного повествования, на основании документальных материалов и воспоминаний очевидцев, описывает драматические события последних дней героической обороны Севастополя лета 1942 года. В книге раскрываются сила духа, воля и мужество его защитников. Героями повествования стали офицеры и моряки, местные жители и крестьяне, испытавшие всю тяжесть вражеской оккупации, юноши и девушки – вчерашние школьники. Герои повествования ста-

ли свидетелями и участниками таких событий как Гражданская война в Испании 1930-х годов, вражеская оккупация и депортация народов Крыма. Для художественной целостности образов героев и достоверности погружения в эпоху, выписаны утраченные ныне детали быта, особенности разговорной речи и повседневные предметы обихода той эпохи. Резким контрастом при нарастающем ожесточении боевых действий стали довоенные воспоминания персонажей романа, их сны, грёзы, несбывшиеся надежды, мечты о будущей мирной жизни и видения самого себя со стороны. Автор намеренно ввёл иностранные персонажи в своё художественное повествование, с целью полноты раскрытия трагедии войны, образами «не наших» людей. Показать одни и те же события, но уже с другой стороны - глазами врага. Здесь и педантичный германский артиллерист - убеждённый нацист и итальянский морской офицер - потомственный аристократ. Среди иностранных героев есть и наши военные английские союзники. Среди них, морской офицер-историк, пишущий книгу о героической обороне Севастополя, имеющий свою, особую точку зрения на описываемые события. В романе участниками событий стали и конкретные исторические личности: адмиралы Колчак и Октябрьский, министр Керенский и фельдмаршал Манштейн, нарком Кузнецов и главный военный комиссар Мехлис.

Посвящается 80-летию Победы в Великой Отечественной Войне!

«ШПИОН» из MI-6

— Елена, давайте пробежимся по списку и согласуем все пункты нашей программы — обратился к гиду-переводчику морской офицер: — наших англичан интересует, в первую очередь, поход по местам их «боевой славы» в Крымскую войну.

— Понятно. В первую очередь, разумеется, печально-известная им «долина смерти» в Балаклаве — понимающе кивнула девушка.

— Так точно. Тем более среди наших гостей-офицеров есть и прямые потомки участников этого сражения.

— Неужели? Вот неожиданно. Но, ведь побили наши с их стороны только сухопутные части. И, конечно же, прискорбно знаменитую бригаду лёгкой кавалерии — цвет британской аристократии. Лучшие фамилии короны. Однако, насколько я знаю, там моряков вроде не было...

— Дело не в морях. В старушке Англии — главное традиции! Отпрыски дворянской элиты всегда должны служить короне Её Величества. А где — неважно. Да Вы сами с ни-

ми сейчас и познакомитесь. Смотрите, потомственная аристократия. Сплошные Сомерсеты, Родчестеры и Макговерны. Любопытства ради, сверьтесь со списком.

— Хм. Точно... вот интересно, а с нашей стороны, есть ли потомки тех событий? — задумчиво, как бы у себя, спросила Лена. Но, офицер, погружившись в изучение бумаг, уже не слушая её, лишь рассеяно пожал плечами.

— Да, чуть не забыл. Во-вторых. Нашим «туристам» надо успеть показать памятники о той войне. А главное, начните с живописного полотна генерального штурма города англо-французами, лета 1855 года, что экспонируется в здании Панорамы.

— Сделаем — девушка согласно кивнула.

— А ещё, — добавил офицер-распорядитель: — старший их группы — Дуглас Гловер, не так прост. На самом деле, отставной офицер, историк, знаток подвигов Роял Нэви¹ во Второй Мировой войне, автор книг и публикаций. Очень настоятельно просил показать значимые места, связанные с его научными исследованиями, особенно, нашей последней обороны 1941–1942-х годов. Вы уж, Леночка, как специалист, сами продумайте маршрут...

Оборвавшись на полуслове, он достал внезапно зазвонивший телефон. Глядя на экран, досадливо поморщившись, сбросил вызов.

— Всё, мне пора. Честь имею! — козырнув на ходу, офицер уверенно направился отдавать подчинённым дальней-

шие распоряжения. Но, остановившись на полпути, вспоминая что-то недосказанное, с улыбкой, через всю площадь, бросил:

— Потомки говорите? Да, было бы интересно увидеть такую совместную встречу полтора века спустя!

Мягкое осеннее утро. Чистое безоблачное небо, но уже не такое, по-весеннему, пронзительно высокое. Иссущающий зной южного лета заметно спал. Ещё теплое море лениво шуршит под деревянным настилом причала. Беззвучные чайки, широко расправив крылья, равнодушно игнорируя суетливых людей под ними, не утруждаясь даже взмахом крыльев, лениво парят в тёплых потоках воздуха. С высоты их полёта все судёнышки в порту кажутся игрушечными.

Прибывший с официальным «Визитом Вежливости» британский военный корабль Королевского военно-морского флота «HMS Fearless» (Корабль Её Величества «Бесстрашный») отшвартовался у морского вокзала. Людей на пирсе немного. Только приглашённые. Событие ординарное. Заранее согласованное. Ничего нового. Всё как обычно.

Пока старшие офицеры спускались с трапа под торжественные марши духового оркестра, портовые службы, не отвлекая внимания от протокольного церемониала, привычно быстро подключив корабль к береговому электропитанию, также проворно завели шланг для подачи пресной воды. Стоящий рядом большой бензовоз-автоцистерна, вклю-

чив двигатель, начал подачу топлива, затянув при этом парадную площадь морвокзала, синеватым едким запахом солянки. Шипчандлер уже выгрузил из небольшого грузовичка заказанные продукты. Обычная портовая рутина.

— Douglas Glover (— *Дуглас Гловер. Англ.*) — представился гиду-переводчику высокий, сухощавый, спортивно-подтянутый, неопределённого возраста англичанин, в гражданской одежде. Заметно выделяясь, сразу «бросились в глаза» его ярко-рыжие волосы, с густой проседью на висках, на короткой, по-военному стриженной причёске.

— Commodore Second Class. Retired officer. Scientific leader of the group of these blockhead (—*Коммодор второго класса. Офицер в отставке. Научный руководитель группы этих оболтусов. Англ.*) — небрежно махнув на молодых офицеров, доверительно улыбнулся гость. Последние же, порядка 10–12 человек, вполне оправдывая данную им меткую характеристику, шумно дурачась, погрузились в комфортабельный микроавтобус.

— Gentlemen, after inspecting monuments and museums, in the evening dinner at the «Tavern» restaurant (—*Господа, после осмотра памятников и музеев, вечером ужин в ресторане «Трактиръ. Англ.*): — пытаюсь быть строгой, Лена напутствовала гостей. Затем продолжила, таинственно улыбаясь:

— You will be treated to a real Russian snack, with real Russian drinks. (—*Вас угостят настоящей русской закуской, с настоящими русскими напитками. Англ.*)

В ответ, с одобряющим хохотом, зазвучали радостные аплодисменты. Дорóгой, сидя в автобусе рядом с научным руководителем возбуждённо-болтливых молодых британских офицеров, они непринуждённо разговорились. Дуглас уважительно отметил величественную и, в тоже время уютную архитектуру, утопающего в ухоженной зелени, городского центра. Чистоту улиц. Нарядные магазины. Красоту женщин.

— You know Helen, we have a very famous ship (— *Знаете Елена, у нас очень прославленный корабль. Англ.*) — без перехода он перескочил на другую тему.

— Is that because you have a tradition of keeping the names of old, illustrious ones on new ships? Isn't it? (— *Это потому, что у вас традиция сохранять на новых кораблях названия старых, прославленных? Не так ли? Англ.*) И, не дождавшись ответа, после небольшой паузы добавила:

— It is also customary for new ships to return heroic names. For example: cruiser «Varyag», «Azov» or «Great Peter». (— *У нас, так же принято новым кораблям возвращать героические имена. Например: крейсер «Варяг», «Азов» или «Пётр Великий». Англ.*).

— Oh, no! (— *О, нет!*) — рассмеялся в ответ Дуглас: — That's not what I meant at all. Yes, sure, ships with our name became famous both from Nelson at Trafalgar and from the antiquity of Admiral John Jellico in the Battle of Jutland. However, he is not famous for this. (— *Я совсем не это имел*

в виду. Да, конечно, корабли с нашим именем прославились и у Нельсона при Трафальгаре и у старины, адмирала Джона Джеллико в Ютландском сражении. Однако, знаменит он не этим. Англ.).

— What else if not that? (*— А чем же ещё, если не этим? Англ.*) — последовал изумлённый вопрос. Здесь моряк сделав выразительную паузу, шутливо сложил вокруг глаз пальцы в виде шпионской маски и с хитринкой продолжил:

— You will be surprised. We took part in the English Intelligence Service MI-6. (*— Вы удивитесь. Мы поработали в английской разведке МИ-6». Англ.*).

Выдержав небольшую театральную паузу, офицер явно наслаждался достигнутым эффектом. Видя смущенную растерянность у девушки неожиданным признанием, довольный своей шуткой, как бы равнодушным тоном, продолжил:

— Our ship made a movie about the secret agent 007 — James Bond. I played a Russian saboteur in the episode. Annoying, but the director cut out and I didn't get a movie. However, between the filming of the movie, they war to fight with Argentina in the Falkland Islands and saved our paratroopers. But this is nonsense, compared to James Bond. (*— На нашем корабле снималось кино о секретном агенте 007 — Джеймсе Бонде. Я в массовке изображал русского диверсанта. Жаль, но кадры со мной в фильм не попали. Правда, между съёмками кино, успели повоевать с Аргентиной на Фолклендских островах и спасти наших десантников. Но это ерунда, по сравнению*

с Джеймсом Бондом. Англ.).

Затем посерьёзнев, добавил:

— Helen, we definitely need to see the fort «Maxim Gorky II. I am writing a book about the last days of the city's defense. (*— Елена, нам надо обязательно увидеть форт «Максим Горький II. Я пишу книгу о последних днях обороны вашего города. Англ.*)

За окном автобуса замелькали, уже тронутые золотым багрянцем, ровные шпалеры ухоженных виноградников. Урожай частично собрали, оставив созревать и набираться сахаром другие, просвечивающиеся на солнце, тяжёлые лиловые грозди. Глядя на бескрайнюю, среди холмов, возделанную долину, Дуглас молчал. Он вспоминал детали сложного разговора с русской девушкой. Как оказалось, хорошо образованной. Но, неожиданно неуступчивой в суждениях, последовательно логичной, с крепкой, бесспорной аргументацией. Такого непримиримого собеседника судьба преподнесла ему впервые. Он ждал этого разговора. Хотелось многое объяснить, хотя бы самому себе. Вслух. Честно.

— Да, мне известны какие страдания и жертвы понёс ваш народ в последней войне. Да, мы тоже воевали. Да, мы были союзниками. Почему так долго не открывали второй фронт? Пытались выиграть битву за Атлантику для накопления сил. Германские подводные лодки и авиация тотально топили все наши корабли снабжения. А потом? Потом воевали в Север-

ной Африке. Вы считаете, что это не главный фронт второй мировой войны? Не согласен. Мы «оттянули» на себя часть сил. А теперь представьте против вас, русских — мощный кулак германо-итальянского корпуса генерала Роммеля, где-нибудь на Кавказе или Сталинграде. А то ещё хуже — под Ржевом. Да, у вас в России, сражения были гораздо масштабней и более кровавыми. Но, буду спорить. В большой войне каждый участок фронта имеет решающее значение. Мы тогда пытались удержать контроль над путями снабжения и в Атлантике, и через Суэцкий канал. Гитлер хотел того же. Мы ценим значение обороны вашего города, потому что он сковал почти на год крупные силы и ресурсы противника. Особенно, тот факт, что часть его войск, артиллерия, танки и лучшие офицеры были переброшены из Африки сюда, под ваши стены и тем самым спасли нас от неминуемого разгрома...

Да, сейчас между нами сложные отношения. Вы спрашиваете почему? Причина тому — британская вековая боязнь усиления хотя бы одной, неважно какой, любой страны на континенте. Это консервативному английскому истеблишменту, по-вашему — элите, представляется смертельной опасностью нашему острову. Россия — угрожает? Нет. Нет. И ещё раз, нет. Но, проклятый баланс сил, чёрт его побери! Помните Лена формулу Короны — «у Англии нет постоянных союзников, зато у неё есть постоянные интересы».

Оба молчали. Каждый о своём. Внезапно пронёсшаяся с сиреной и мигающими огнями патрульная полицейская машина остановила движение. Все с интересом, оглядываясь назад, ожидали увидеть серьёзную причину внезапной остановки. Вскоре, послышался низкий глухой рокот многочисленных моторов. Из-за закрытого поворота, непрерывно сигналив, показалась, беспорядочная, занявшую ширину всей дороги в обоих направлениях, стадо мотоциклистов. Несколько сот, очень довольных собой, неопределённого возраста, нарочито неухоженных и вызывающе запущенных бородатых наездников с пивными животиками, победно показывающих пальцами «козу», с громким треском двигателей без глушителей, неспешно двигались в город. На головах некоторых из них, на солнце сияли, отполированные до хромированного блеска, немецкие стальные каски.

— What's that for? (— *Это к чему?* (Англ.) — удивлённый Дуглас, указывая на демонстративно неспешную колонну мотонаездников, выразительно, одними глазами, беззвучно любопытствовал у Лены.

— Just to nothing (— *А ни к чему* (Англ.) — равнодушно пожав плечами, не сразу отозвалась девушка: — maybe a new pagan ritual. (— *наверно, новый языческий культ.* (Англ.)

— I understand. To worship of Saint Bike... I already thought — honorary support. Well, I'm sorry not for us. (— *Понимаю. Поклонение святому Байку... А мне уже подумалось — почётный эскорт. Жаль, что не для нас.* (Англ.) — иронично

усмехнулся Гловер.

— Agents of the MI-6 are not entitled escort! (— *Агентам МИ-6 сопровождение не полагается!* (Англ.)) — рассмеялась Лена. Но затем, развернувшись, еле скрывая накрывшую её шутиливость, делано-строго и с напускной суровостью, затребовала: — Douglas, how do you know the history of our city so well? Especially private details. Immediately admit — are you a spy? (— *Дуглас, а откуда вы так хорошо знаете историю нашего города? Особенно частные детали. Немедленно признавайтесь — вы шпион?* (Англ.))

— Unfortunately, it didn't work out. I'm just a writer and a historian. And part-time retired officer of Her Majesty's fleet. (— *Увы, не сложилось. Я, всего-навсего, писатель и историк. И по совместительству, офицер в отставке флота Её Величества* (Англ.))

Протарахтевшие мотоциклы байкеров оставили неприятный осадок и раздражение. Важный диалог сорвался. Много не успел сказать. А ещё больше, хотелось услышать новые, неожиданные для себя аргументы и суждения, но с теперь уже с другой позиции. Позиций и принципов, до недавнего времени, мало известной ему стороны. Русской. По дороге, рассеяно глядя в окно, ушедший в себя Дуглас, теперь уже мысленно, продолжил прерванный с девушкой-гидом разговор. Нет. Скорее монолог. Некоторые факты стали не так уж и важны. Другие придётся пересмотреть. Да и будущая книга, представлялась теперь уже совсем другой. Всё

что было ранее написано — теперь уже никуда не годится... а главное, русских увидел иначе.

Неожиданно для всех, что-то вспомнив, он единственный на весь автобус разразился залиvistым громким смехом:

— А почему я, вот так сразу — и ШПИОН?

Вдоволь отсмеявшись, замолчал, не обращая внимания на своих подопечных, с непониманием и интересом уставившихся на него. Свернув с дороги, автобус медленно поехал вдоль ровных посадок созревающего винограда.

Дуглас, посерьёзнев, вернулся к разговору. После некоторого раздумья, не глядя на собеседницу, как бы для себя, вслух произнёс:

— Есть такое длинное, почти непроизносимое, составленное паровозиком, немецкое слово — «Kriegsgerichtsbarkeit». Дословно — «законность военного времени». Предписанный Вермахтом кодекс ведения войны, особые правила поведения германских солдат. Это исключительно нацистское понятие: отсутствие ответственности за организованное насилие. Такая для них, специфическая идеология войны, предназначенная только для русских. У пленных германцев, переброшенных на Запад с Восточного фронта, мы находили жуткие фотографии. Фото зверств, расправ и казней мирных людей. На вопрос, зачем такое хранить? Почему к ним такая жестокость? С искренним непониманием, отвечали — да они же русские!

Автобус остановился возле небольшого памятника среди

виноградных посадок.

— Somewhere here the British light cavalry brigade was defeated. On October 25, 1854, Lord Cardigan will throw her into the attack, with catastrophic consequences... (*— Где-то здесь и погибла британская бригада лёгкой кавалерии. 25 октября 1854 года лорд Кардиган бросит её в атаку, с катастрофическими последствиями... Англ.*) — начала было Лена привычный текст, но остановилась, взглянув в лица внезапно посерьёзневших офицеров.

—...only a small formation of Scottish shooters held out (*— ...устояла только небольшая цепочка шотландских стрелков Англ.*) — всё же договорила она заученную экскурсию, но уже не так бодро.

Широким жестом указывая на возвышающийся холм, после небольшой паузы продолжила:

— Therefore, the «thin red line» (according to the color of the red English uniforms), as a symbol of perseverance and self-sacrifice. (*— Отсюда и выражение — «тонкая красная линия» (по цвету красных английских мундиров), как символ стойкости и самопожертвования». Англ.*)

Молодой офицер вопросительно взглянул на Дугласа. Тот разрешительно кивнул. Из рюкзака за спиной у него в руках появился странный мешок, с торчащими вниз трубками. Рослый парень, вставив одну из них в рот, надувая щёки, начал воздухом накачивать бездонный бурдюк. Через мгновение, над всей затихшей долиной, высоко в воздухе пронзи-

тельно зазвучала печальная волынка.

Обратную дорогу ехали молча. Дуглас, ранее искромётно шутивший, сыплющий как из корзины историческими фактами, отстранённо ушёл в себя. Лена пыталась продолжить экскурсию, но старший офицер мягко остановил её. Присев рядом, указал на рослого волынщика:

— It's McGovern. His ancestor died here. (— *Это Макговерн. Его предок погиб здесь». Англ.*). После паузы добавил: — Great-grandfather died in 1942, on the day of the escape of your city, in a polar convoy. (— *А прадед, погиб в 1942 в полярном конвое, в день оставления вашего города. Англ.*). А затем внезапно:

— Helen, when will we see the casemates of that battery? (— *Елена, когда мы увидим казематы той батареи? Англ.*).

ЖЕНЯ

...пить...пи-и-ить.

Губы потрескались, распухший язык прилип к нёбу. Вместо голоса — мычанье.

Утро. С рассветом ушёл к окопам. Солнце. Беспощадно палящее солнце. День только начинается. Ночная прохлада ушла. Зной обжигает. Ветра нет. Догорающая гарь тлеющей техники и тошнотворный запах разлагающихся тел. Мухи.

Раздражающий беспрестанный зуд больших ленивых зелёных мух.

Со стороны деревни Любимовка немцы начинают обстрел нашего последнего рубежа обороны. Незащищённому, открытому со всех сторон, каменистому пятачку, острым обрывистым мысом, врезавшегося в море. Рванные клочья дыма множественных снарядных разрывов застыли в знойном, неподвижном мареве над капонирами Херсонесского аэродрома.

Женя сполз в окопчик, длиной в несколько метров и глубиной до полуметра, вырубленный в рыжей каменистой безжизненной степи. Кладка из ноздреватых камней, выгрызенных из отвала короткими сапёрными лопатками, касками, штыками, а то и ногтями, служила ненадёжным бруствером.

— А, комиссар, устало-равнодушно, не по уставу, приветствовал зрелый краснофлотец. Остальные же даже не глянули на старшего батальонного комиссара, как и на остальных подходящих бойцов.

Сегодня ночью в суматохе, в отчаянной давке на каменистом берегу, падающих в воду, не умеющих плавать людей, с внезапно сломавшегося причала, не выдержавшего хлынувшую людскую массу, ушла вместе с тремя небольшими катерами и надежда на спасение.

Эскадра. Это слово последних дней, произносил каждый, стоящий на берегу, вглядываясь в ночное море и вслушиваясь в шум прибоя.

Эскадра. Это надежда, поддерживающая последние силы.

Эскадра. Но вывезла же, она нас однажды из обречённой Одессы!

Эскадра. Это слово, ставшее живительным, вывело людей на дневной бой, удерживая последний клочок обороны, для подхода спасительной ЭСКАДРЫ.

Женя знал, что «эскадра» не вывезла в мае бойцов рухнувшего Крымского фронта из Керчи через пролив, на столь близкую «большую землю». Не вывезет нас и из Севастополя...

...пить. Как хочется пить.

Внезапно обстрел прекратился. Высоко в воздухе появился двух фюзеляжный германский самолёт-разведчик «Рама»².

— Держись комиссар, щас начнётся — сказал тот самый зрелый краснофлотец. Затем он внимательно посмотрел на Женю. Его цепкий взгляд пробежал по выбеленной на солнце гимнастёрке, с соляными потными разводами на спине, трём шпалам с отбившейся эмалью на красных петлицах, пара медалей с выцветшими затёртыми колодками, красным комиссарскими звёздами на рукавах у запястья и грязными, бывшими когда-то тёмно-синими галифе.

Кивая в сторону головы:

— Каску не носишь? И ехидно добавил:

— Фуражечка... мать твою... командирская гордость ...

Но, как опытный боец, пристально глядя в глаза, вдруг

внезапно:

— Ты что контужен?

Женя равнодушно кивнул.

— Пей! — он протянул флягу. Женя жадно глотнул. И вдруг его обожгло, губы загорелись, дыхание остановилось, было только желание глотнуть хоть немного воздуха, но он не мог. Глаза на мгновение ослепли, тело не слушалось, а сердце, наоборот, пыталось вырваться наружу. Свободная рука, словно закуску, механически загребла красноватую глинистую землю.

Краснофлотец с удовольствием наблюдал за судорожными конвульсиями старшего батальонного комиссара.

— Спирт — наконец прохрипел Женя.

— Он, родимый.

Женя отдышался, взгляд стал осмысленным, а затем уже спокойно сделал ещё большой глоток. И внезапно, отошли усталость, щемящее чувство обречённости и ... жажды.

Он привстал в окопчике и осмотрелся. Увиденное им днём, оказалось гораздо страшней и масштабней, чем ночью. Прямо перед ним, задранные в небо жерла стволов, взорванных башен 35 береговой батареи. Из глубокого зева основания бывшей башни, как из адской преисподней, всё ещё тянулся едкий чёрный дым, с отравляющим химическим запахом горячей проводки и машинного масла. Гигантские многотонные рваные бетонные блоки, вывернутые взрывом из-под земли, были разбросаны на десятки метров. А обнажив-

шаяся толстенная железная арматура была раскручена в разные стороны, спутавшись между собой словно непослушные, сбившиеся гигантские пряди волос. Позади окопа, на краю обрыва, стоял подбитый двухбашенный танк Т-26. Под ним, между гусеницами, ногами вперёд лежал краснофлотец. Его почерневшее, иссушенное на жаре мёртвое тело, резко контрастировало с выбеленной солнцем матросской робой.

Ничем не прикрытая выжженная степь, без единого деревца, без единого кустика, с еле заметной запылённой грунтовой дорогой. Всё, до самого горизонта раскидалось брошенной, сгоревшей нашей техникой. Остовы перевёрнутых взрывами или брошенных шофёрами грузовиков. Подводы, рассыпавшиеся ящики с боеприпасами, пушки, орудийные лафеты, перевёрнутые зенитки, прицепы, танки, бронев автомобили и ещё машины, машины...

Всё застыло между многочисленными воронками с закопчёнными краями, словно траурные каёмки, на сгоревшей с чёрными подпалинами, обугленной пожарищем, степной траве.

Женя был поражён количеством, вдруг ставшей внезапной обузой, нашей техники, транспорта, топлива, вооружения и столь нужных рассыпавшихся боеприпасов, так масштабно и также бесцельно сконцентрированных на совершенно непригодном для обороны, простреливаемом с любого направления, голом степном плато. А главное, почему всё это брошено? Почему всё это военное имущество не свезли

в закрытые и охраняемые зенитчиками, участки 35 батареи и последнего аэродрома на мысе Херсонес? Почему не хватило на это простого организационного решения и воли командования? Почему организация уступила место панике и хаосу? Почему закалённые в сражениях и постоянного натиска врага, замечательные хладнокровные бойцы превратились в неорганизованное стадо обезумевших животных? Почему?

Видимая до горизонта, лысая плоская степь особенно усиливала ощущение безжизненности и безнадёги из-за тёмных пятен многочисленных воронок, трупов людей и лошадей. Их так много. Нисколько не меньше и внизу, на скалах и в воде. Ещё пару дней назад все они были живы...

Правее, в сторону конечности мыса, торчал дымящийся, насквозь простреленный снарядами, изгрызенный осколками, бывшим когда-то белым красавцем на фоне синееющего моря, а теперь закопченный, ноздреватый остов Херсонесского маяка. Чуть далее, неуклюже уткнувшись лицом в землю, торчали обгорелые остовы наших разбитых самолётов. И люди, очень много людей. Пока ещё живых людей.

Начался утренний методичный немецкий артиллерийский обстрел их открытого пятачка.

— Видимо, уже шесть утра. Эти педанты себе верны, всё делают по расписанию — равнодушно отметил политрук — похоже, что пали наши «тридцатка» и батареи Северной стороны города. Те самые батареи, которые 85 лет назад повоевали с супостатами. И тогда, город тоже не удержали...

Возможно, немец обстреливает и Южную, главную часть города. А может быть он уже и там.

Окопчик заполнялся бойцами. Лица сосредоточенные, полные решимости продержаться до подхода «эскадры».

— Эх, нам бы день простоять!

— Братцы, командиры есть?

— А шо, комиссар тебе не командир? — зрелый седоусый старшина—краснофлотец сосредоточенно скручивал «козью ножку».

— ...Комиссар? — молодой здоровяк, с сержантскими треугольниками в петлицах, глянул на Женю и с удивлением.

— Товарищ старший батальонный комиссар, вот уж не ожидал вас увидеть. Женя сразу узнал одессита-балагура Ваньку Брагина. Вместе держали Одессу, вместе уходили в Севастополь с последними защитниками на крейсере «Красный Кавказ», вместе отбивали натиск Манштейна на втором кордоне Микензиевых гор.

— Товарищ комиссар, даже очень странно как-то наблюдать на вас здесь — с неповторимым одесским колоритом, певуче сказал Ванька и без злобы продолжил: — Всю ночь командование драпали отседова.

Женя не удивился. Для этого и собрали на 35-й батарее весь старший командный состав обороны Севастополя.

Закурив, Ваня продолжил:

— Я думал, и вы с ними улетите. В плен вашего брата не берут. Немец-то комиссаров не жалует — сразу в расход!

Вот так-то.

Женя знал это. Как ни как — целый год отвоевал. Его мысли вертелись вокруг ночной посадки на самолёты:

— Рассказывай, как всё было?

— Да, как — «как»? Я с ребятами на аэродроме. Самолёт выкатили. Люди и бросились к нему, чуть не затоптали друг дружку. Все одни начальники! Переругались. Передрались. Улетели. А нам объявили ждать эскадру.

Женя решительно поднялся.

Да, ждать эскадру. Надо продержаться. Надо собрать бойцов. Надо организовать оборону.

— Ваня, где твои ребята? Айда, ватагу собирать!

Он шёл вдоль обрыва, энергично размахивая рукой, собирая бойцов.

САША

С трудом передвигаясь, Саша выбрался из закопчённой, ещё чадающей из глубины мазутным смрадом потерны 35-й батареи. Яркий дневной свет больно резанул воспалённые глаза. Ожоги на лице и теле нестерпимо болели. Подслеповато щурясь, он опёрся здоровой рукой на выщербленный, изорванный осколками до острого щебня, бетон. Под ногами сколы камней, перекрученной железной арматуры, колючей проволоки, жжённых автомобильных покрышек, неизрасходованных болванок 305-миллиметровых батарейных снаря-

дов. Прикрывая воспалённые, обожжённые, слезящиеся полуслепые глаза, он жадно вдыхал знойный июльский воздух, смешанный с угарным газом, нестерпимой вонью горелой резины и тлеющих промасленных нефтяных тряпок.

Как хочется продышаться, жадно вдохнуть вкусный воздух полной грудью... душащий кашель довёл до кровавых рвотных спазмов.

Контуженный, опалённый, отравившийся газами, Саша пытался вспомнить события вчерашней, нет — уже сегодняшней ночи. Запомнились стремительно пробегающие под батарейными внутренними сводами, сквозь плотную толпу старших офицеров, с бросающейся в глаза своей растерянностью, командиры Севастопольского Оборонительного Района, во главе с особо раздражённо-нервным командующим. Был и ночной разговор. Откровенный, искренний и... неожиданно душевный.

...Взрыв? Да, был взрыв. Но почему с людьми!? Почему не предупредили? Почему никого не вывели? Взрыв. Смертоносный, ослепляющий огнедышащий шар с завывающим хохотом гулко пронёсся по коридорам казематов, собирая людскую жатву. А за ним грохот. Нет, грохота не было. Был кто-то, вбивший одновременно молотами гвозди в оба уха.

...пить...

В ушах звон. Что-то равномерно и механически гулко сту-

чит.

— Это наш ДШКЗ отгоняет «лапотник»⁴ — механически отметил.

Нет, не ДШК. Стук другой. Это сердце! Стук в ушах отдаётся.

Саша попытался вслушаться, но собственный пульсирующий гул заглушал все звуки дня. Шея мокрая, липкая. Провёл по уху ладонью — кровь. Её капельки стекали вниз по тёмно-синему морскому кителю и застыли, загустев матовым отсветом, сливаясь с бурой эмалью массивного ордена Красной Звезды.

— Поэтому и не слышу...

Без очков, подслеповато щурясь, поднёс к глазам руку с часами на запястье. Времени нет. Как бы нет. Для меня нет. Под разбитым стеклом на циферблат осыпались стрелки.

Элегантные швейцарские часы «Longines» в хромированном корпусе с морской символикой на белом циферблате и невиданным для сослуживцев (бросающих завистливые взгляды) автоподзаводом механизма и, с блестящим стальным из крупных звеньев, ремешком—браслетом. Гордость и нежная любовь Саши, купленная им в Барселоне в том, теперь уже таком далёком, тридцать восьмом. Единственное, что он привёз тогда из Испании.

Заместитель начальника торпедного отделения, мино-торпедного отдела Черноморского флота капитан-инже-

нер второго ранга Александр Михайлович Санченко военным стал случайно. Вдумчивый и предельно ответственный к делу инженер, за почти десяток лет воинской службы, так и не осознал себя ни военным, ни тем более командиром. Солслуживцы, по-доброму, над ним посмеивались, называя его «пиджаком». Саша не обижался, как и не стремился к показушному командирскому лоску. Для него главным было ДЕЛО. Инженерное дело.

После севастопольской десятилетки он поехал в Москву поступать в Промакадемию (Всесоюзная Промышленная Академия наркомата тяжпрома) — не получилось. Наверное, и к лучшему. Вскоре случилось «дело Промпартии», по которому весь преподавательский состав академии оказался во врагах народа, а затем и многие её слушатели. Саша понимал, что и ему было бы не избежать клейма заговорщика, вредителя и подкулачника. Тем более, что основания были. Ранее вся его многочисленная ростовская родня была раскулачена и выслана в Сибирь, а имущество конфисковано. Потом, уже перед войной получил от них куцую весточку. Мол, наконец-то определили нас на поселение, после долгих пересылок и скитаний. Кто-то жив, кто-то нет... Сегодня их пристанище — Красноярский край, Берёзовский район, деревня Новокурская.

Вернувшись в Севастополь, Саша молчал. Работал и молчал. Замкнулся и всецело сосредоточился на работе. Год работал в военных авиамастерских в бухте Круглой. Оттуда

и отправили его по комсомольской путёвке на рабфак5, в Сталинградский политех, изучать приборостроение. После окончания ВУЗа, уже инженером был распределён в Ленинград, на завод «Двигатель», где налаживался выпуск торпед собственных разработок. Саша ворвался в работу. Советский первенец оказался не доношенным и болезненным дитя. Требовалась не только принципиальная доработка, но массовое серийное производство.

Тяжело, с крайним напряжением — но дело пошло. В свободное время он просиживал в библиотеках, выуживая скудную информацию из военно-морского справочника «Jane's Fighting Ships»6 и тех немногих технических изданий, которые к нам попадали.

В 1936-м торпеды поставили в серию. К этому времени Саша уже был ведущий эксплуатационник. Но, для себя он понимал, что пусть изделие и несовершенное, и уже устаревшее, но и его массовый выпуск не более возможен из-за нехватки заводов, точных станков, дефицита сырья, квалифицированных рук и умений.

Вскоре в его жизни произошли непланируемые изменения. Это случилось после командировки в Москву. Вечером, после беготни по коридорам только образовавшегося Наркомата Рабоче-Крестьянского Военно-Морского флота, он решил забежать к однополчанину своего отца, вместе воевавших в Гражданскую на Дальнем Востоке. (как там в песне: «Волочаевские дни» — «... и на Тихом океане, мы закончи-

ли поход...»).

И внезапно Сашу с порога словно шибануло током — увидел, нет, — столкнулся в парадной с Галей. Своей Галей, мгновенно ставшей единственной и любимой. Стремительно ворвавшись в его жизнь и, так быстро, из неё ушедшую...

В тот вечер он даже толком не рассмотрел её. Только глаза. Её огромные, бездонные глаза, с интересом и любопытством, изучающие вечернего гостя. В глазах озорное и пыливое любопытство молодой женщины, живущей со старыми родителями. Дальше — как в тумане. Саша даже не мог и вспомнить мгновения той стремительности их любви, свадьбы, близости.

Вскоре Галя сделала самый важный подарок в его жизни. Дочь. Какое небывалое трепетное чувство безудержного счастья он испытал, когда взял в руки невесомый, завёрнутый в пелёнки, этот розовый комочек жизни! А когда он очутился на ладонях — мгновенный испуг обжёг сердце. Боязнь уронить свою доченьку. Этот страх прочно и навечно сросся с душой. Иногда ему казалось, что однажды он её не удержит...

Любимые девчонки подарили его жизни самое счастливое время. Любимая семья, любимая работа. Огорчали частые и длинные командировки. Но, какая потом была радость встреч! Чувства любви и быть любимым переполняли его. Саша обожал те минуты, когда он зарывался лицом в Галины густые волнистые, каштановые волосы, пахнущие

нежностью и беззащитностью. Когда её голова лежала у него на груди. Когда при встрече жена бросалась, крепко прижимаясь, он замиранием чувствовал радостное биение её сердечка. И особая нежность разливалась, когда по утрам к ним постель перебиралась из своей детской кроватки маленькая Катенька.

Сидя на руинах того, что недавно называлось обороной Севастополя, превозмогая боль, Саша внезапно вспомнил поздний ночной разговор. А ведь правы все! Мы всё делали правильно. Где же мы ошиблись? Мы все знали, что будет война. Большая война. Мы к ней готовились. Европа уже полыхала. Наблюдали. Изучали. Сделали выводы, учились, готовились. И страна не ждала — старалась успеть, не опоздать, отдавая все силы на оборону, во всём отказывая народу. (Впрочем, когда у нас нашим-то народом интересовались?).

Работали на износ? Да. В 1939-м ввели 8-часовой рабочий день, семидневную рабочую неделю и уголовную ответственность за самовольный уход с работы. А потом — аресты. Люди шептались — будет война!

Война? Да. И врага мы хорошо знали. И повоевать с ним успели, немного поприжавшись к той, европейской бойне. Хотя и сами невольно опалились. Похоже, не пошёл тот ожёг на пользу. Нет, не пошёл...

— Почему, это не пошёл? Нет, я всё делал правильно!

Саша привстал, опёршись обожжённой рукой за обломок обугленной бетонной стены.

— И торпеды у меня правильные! — заговорил он неожиданно громко, даже для самого себя.

— А железо, в отличие от людей, не подводило! Впрочем, и люди не подвели. А вот командование... э-э-х, отцы-командиры!

Чем ближе к войне, тем сильнее сжималась пружина его личной свободы, тем быстрее нёсся темп жизни. Саша вспомнил бесконечные командировки, бессонные ночи, авралы, испытания при любой погоде, доводки и опять испытания. Бьющие по лицу колющие льдинки студёного зимнего Балтийского моря, или иссушающий зной на задубевшей просоленной коже южных Каспийского и Чёрного морей. Города неслись бесконечным калейдоскопом: Ленинград, Севастополь, Каспийск, Махачкала, Картахена, Барселона...

В Барселону, в группе советских моряков-специалистов в составе интернациональной бригады, он прибыл с самым в конце 1937-го. В Испании уже, во- всю полыхала гражданская война. Республиканцы несли одно поражение за другим от фалангистов. Установить порядок и дисциплину, а главное — единоначалие в пёстрой политической палитре республиканцев, дело было почти безнадёжное. Командовать, без какой-либо ответственности, рвались все: и социалисты,

и анархисты, и коммунисты, и троцкисты, и многие другие, окрас которых Саша даже и не пытался запомнить. (Всё как у нас до октября 17-го!). Да и сами испанцы, на любой призыв к работе, отвечали своим любимым — «таһана!»⁷(завтра).

Осенью 1937-го, Саша на заводе «Двигатель» в Ленинграде, готовил к серийному производству новое секретное изделие. В этом очень помогли, только что закупленные в Италии 53-сантиметровые торпеды. Вечером, вовремя пересменки, за ним пришли. (Удивления не было. Времена такие). Трое НКВД-истов и один в штатском. Всё было бюрократически буднично. Сотрудники, стоявшие рядом, как-то осели, лица землистые, жалкие, глаза прятали, стараясь не встретиться взглядом. Проверили документы. Пригласили на выход.

Уже сидя в «эмке»⁸, петляя по ленинградским улицам, Саша пытался понять куда его везут. Конвоиры молчали. Вот проехали Большой Дом на Литейном⁹. Машина не завернула. (Значит не в НКВД). Едем дальше. Изрядно пропетляв по городу, остановились возле бывшей Преображенской церкви на Аптекарском острове у ступенек главного входа в штаб Балтфлота. Приехали. Конвоир сухо:

— Гражданин Санченко?

— Так точно...

— На выход! Следуйте за нами.

Саша, с группой других моряков, оказался в закрытом учебном центре. Каждый из них получал углублённые зна-

ния по своей специализации: формулы, расчёты, технические задания, секретная иностранная военно-техническая документация, карты театра боевых действий, оперативное планирование, аналитика манёвров и сражений, суточный расход боеприпасов, боевое использование новых технических средств. Штудировали французский язык и немного испанский. Обучение проходило в обстановке строжайшей секретности. Увольнения запрещены. Письмо родным разрешалось написать только один раз в месяц. Сдавались открытыми, а получали ответные уже распечатанными.

Саша близко сошёлся с соседом по кубрику (койки рядом стояли) Колей Кузнецовым, на тот момент капитаном 2-го ранга, командиром крейсера «Червона Україна». В перерывах между занятиями Саша рассказывал об управляемости и специфике торпедных стрельб, а Николай, в свою очередь, о девиации, магнитном склонении, компасным и истинным курсах, балльности волн. Как Саше эти знания впоследствии пригодились! Не мог тогда инженер-торпедист знать, на какие высоты власти (и в тоже время, смертельной близости к ней!), вынесет судьба его приятеля — теперь уже наркома Николая Герасимовича.

На пароходе «Комсомол», уже в водах Испании морякам вручили документы. У всех разные. Саша получил «нансеновский»¹¹ паспорт, на имя Алехандро ди Санчеса. По легенде — француз, испанского происхождения, без гражданства. Теперь-то стало и понятно, почему углублённо изучали

французский язык.

Его группу озадачили обеспечением безопасности проводок наших морских грузов на гражданских судах. Шли они в сложных условиях из Советского Союза, минуя враждебные турецкие проливы, в контролируемые революционерами-республиканцами порты Испании, в условиях жёсткой блокады побережья итальянским военным флотом, досматривающие все наши суда. Да и англо-французские корабли, которые типа нейтралы, также препятствовали проводкам советских конвоев. Средиземноморские порты республиканской Испании стали зоной ответственности Черноморского морского пароходства, а Атлантические — Балтийского. Но там уже свирепствовал флот фашистской Германии — Kriegsmarine¹².

О событиях на Родине Саша, всецело окунувшегося в работу, имел смутную информацию. Нечастые советские газеты, с неизменным портретом товарища Сталина в передовице, бодро рапортовали об очередных победах и рекордах: Стаханов и Паша Ангелина, Чкалов и челюскинцы. Новые заводы, невиданные успехи рабочих и колхозников по выполнению заданий ЦК ВКП (б) на II-ю пятилетку. Статьи о наших победных свершениях, резко контрастировали с публикациями о беспросветной жизни в странах капитала, где свирепствовал фашизм, или чикагские гангстеры. Где угнетаемые прогрессивные трудящиеся с завистью смотрели в сторону страны победившего социализма. Иностранные бур-

жуазные издания, нехотя (сквозь зубы), писали об атмосфере страха и террора в СССР, открытых публичных судебных процессах над врагами народа. О том как, обвиняемые соревновались между собой в скорости признательных показаний, легко сознаваясь в самых чудовищных замыслах против правительства страны Советов и её вождей. Огромных масштабов арестов, душной атмосфере страха и в тоже время, массовых митингов, требующих самое суровое наказание «врагов народа». Отношение к антисоветским материалам было двойственное. С одной стороны, он им не верил, искренне считая, что западные антисоветские писаки умышленно раздувают охваты репрессий, умышленно очерняют авторитет страны победившего социализма, бессильно злобствуя, нагнетают истерию. С другой, — он знал об арестах. В его среде по ночам забирали коллег-специалистов. Но были и доказанные масштабы заговора, особенно в самой чувствительной и уязвимой сфере — военной! Не зря ведь товарищ Сталин говорил, что по мере строительства социализма, будет обостряться классовая борьба...

Зимой, в начале 1938 года, фронты в Испании неожиданно пришли в движение. Сражения колыхнули с новой силой и небывалым, как в любой гражданской войне, ожесточением. Республиканцы, погрязшие и раздираемые многообразием политических противоречий, потеряли время и упустили стратегическую инициативу. Этим мгновенно воспользовались франкисты¹³. Сказался их количественный, а глав-

ное, качественный перевес. В течение лета-осени шла подготовка их солдат иностранными инструкторами. Из Марокко и других заморских территорий на полуостров перебрасывались, не за агитированные коммунистами, свежие кадровые войска. Союзники генерала Франко — фашистские Германия и Италия насыщали его вооружением, боеприпасами, инструкторами и офицерами-советниками. Новейшая техника шла широким потоком, «обкатываясь» и дорабатываясь в бою. «Демократическая» же Европа, на фашистскую интервенцию, традиционно ответила политикой невмешательства и закрыла свои границы. Республиканцы без боя сдавали свои провинции. Пали Севилья, Толедо, город Герника, Гренада. Да, да. Та самая романтическая, воспетая известным советским поэтом, Гренада:

— ...Гренада, Гренада, Гренада моя.

А люди? Ещё недавно, сжимающие кулак, пламенно приветствуя бойцов-республиканцев знаменитым жестом — «No Passaran!»¹⁴ — беспощадно убиты или загнаны в концлагеря. В небе над Барселоной уже стала обыденностью картина расстрела в воздушных боях наших крылатых «ишачков»¹⁵, безжалостно прижимаемых к верхушкам острых крыш «мессершмидтами» и «фиатами».

Несмотря на воздушный и сухопутный натиск фалангистов на земле, Саша внезапно повоевал и на море. Франкисты, с целью сорвать советские морские поставки, двинули к республиканской Картахене мощную эскадру из тяжёлых

крейсеров «Baleares», «Canarias», а также лёгкого крейсера «Almirante Cervera». Советская воздушная разведка обнаружила вражескую эскадру. Коля Кузнецов решительно вывел в море, ей навстречу, три лёгких эсминца. Ночью 6 марта 1938-го (Саша запомнил эту дату — это день рождения его Галочки) у мыса Палос, недалеко от Картахены, республиканцы отчаянно бросились на фашистского морского Голиафа. Артиллерийская дуэль шла безуспешно, пока случайно выпущенный осветительный снаряд не обозначил, не учувствовавшего в бою, громаду флагманского крейсера «Baleares», под адмиральским флагом командующего франкистским флотом. Саша разом выпустил несколько торпед веером по флагману. Две из них поразили крейсер, оторвав его носовую часть. Позже он узнал, что «Baleares» затонул до наступления рассвета, унеся с собой адмирала и большую часть экипажа. За этот бой он из шифровки узнал о своей первой боевой награде. Москва присвоила орден Красной Звезды.

Саша вместе Кузнецовым принял участие ещё в нескольких морских баталиях. Но, несмотря на локальные успехи, стратегически республиканцы проигрывали на всех фронтах, их падение было только вопросом времени.

На морях они потеряли эсминец «Churrusa», затем «Ciudad de Cadiz», «Mar Negro», «Armuru» и далее скорбный список только множился.

Последнее их совместное задание в Испании, было золото. Нет, не то золото из Нового Света времён Колумба, Кортеса и Писсарро.

Операция по эвакуации из Мадрида, который был уже на грани падения, государственного золотого запаса Испании в СССР. Того самого золота, как расчёт за военную помощь от Москвы и, то что от него останется — на хранение. До лучших времён...

Золото доставлялось в средиземноморские порты республиканцев в обстановке строжайшей секретности. Советские органы НКВД испанским товарищам, с их извечным «таñана!», погрузку просто не доверили. Грузы шли только ночью, небольшими партиями и в разные порты. Грузили частями на четыре судна. Саша контролировал погрузку в порту Барселоны, на знакомый ему теплоход «Комсомол». Советский флаг на судне снят, название и порт приписки закрашены. До отхода в Союз оставался день.

На траверзе порта стояли главные силы итальянских Regia Marina: линкоры «Conte di Cavour», «Giulio Cesare», два крейсера и три эсминца. Надо было ждать...

Ждать было уже нельзя. Надо было готовиться к большой войне, ставшей неизбежной. По прибытию в Одессу, на теплоходе «Комсомол», Сашу сразу отправили в Ленинград, на завод «Двигатель», запускать в серию, купленные в Италии торпеды, калибра 45 и 53 сантиметра и технологическую документацию на их производство.

Тогда итальянский фашизм активно с нами сотрудничал и передавал новейшие военные разработки. Для Балтийского флота были построены крейсер «Киров», для Черноморского — лидер эсминцев «Ташкент», развивавший скорость в 42,5 узла! (Поставленный рекорд был недостижим для советских кораблей, имевших максимальную скорость в 42 узла). Диктатор, чернорубашечник Муссолини предоставил нам полную техническую документацию, оборудование и инженеров, благодаря чему у нас появились, по их проектам, красавцы-крейсера: «Ворошилов» и «Молотов», «Держинский» и «Максим Горький». Дуче¹⁷ организовал и регулярные поставки по нашим запросам современные системы управления огнем, включая поисковые огни, дальнометы, прицелы, перископы для подводных лодок...

Как же так вышло, обладая современной флотом, мы потеряли Севастополь и Крым?

...пить!

Саша, чтобы понять время, привычно глянул на часы. Массивный стальной корпус «Longines» тускло сверкнул разбитым стеклом на циферблате, с осыпавшимися стрелками. По обугленной бетонной стене пробежала ящерка. Зелёная, с золотистым отливом. Её шкурка перламутром заблестела не солнце. Замерла. Посмотрела на Сашу и, не видя опасности, пробежала рядом, едва коснувшись шершавым чешуйчатым хвостиком его руки. С противоположной стороны бухты, с пляжа деревни Любимовка, раздались звуки

выстрелов немецких тяжёлых орудий.

— Пристреливаются — механически отметил Саша.

Вскоре вспыхнул, окутанный дымом с прорывающимся пламенем, земляной фонтан разрыва снаряда. Ещё один взрыв. Рядом. Совсем рядом. Полуоглушенный, с гудящей от контузии головой, он не различал грохота и расстояния смертоносных прилётов. Кто-то из бойцов жестом показывал ему:

— «ложись!!!».

Саша послушно сполз. Разрывы снарядов молотом долбили совсем рядом, сотрясая землю, закрывали небо рваными космами чёрного дыма и непроницаемой стеной пыли. Лёжа на животе, прикрыв голову руками, Саша увидел бегущего, ловко уворачивающегося от разрывов, вчерашнего политрука. За ним бежала с оружием наперевес, небольшая группа бойцов.

Внезапно, и с удивлением, он увидел перед собой, вдруг застывшие в воздухе комья земли, вперемешку с камнями. Приостановив движение вверх, они замерли, образуя причудливое серо-рыжее раскидистое дерево, где место веток вдруг густой паутиной стал стремительно разжигаться слепящий яркий огонь. Дерево замерло в своём росте. Огненные ветки выжигали взгляд неспешно распускающимся в глубине, большим, болезненно искрящимся, красным цветком.

Боль внезапно ушла. Саша почувствовал необыкновенную лёгкость и спокойствие...

ЛЁНЯ

...пить...

Большой белый пароход с чёрной трубой внезапно сипло издал длинный глухой гудок.

Затем ещё один гудок — но более протяжный. Лёня тяжело приподнялся. Полдень. Холодно, несмотря на жаркое июльское солнце, отражаемое в мириадах солнечных бликов на ровной воде, обожгло глаза. Лёня невольно зажмурился. Слез не было. Открыть глаза долго не получалось.

Он почувствовал, как нос белого парохода плавно уткнулся в плот и властно потащил его за собой. Лёня привстал и закричал:

— Эй, я здесь!.. Но, пересохший рот так и не вставшего человека, издал глухое мычанье.

Это уже было! Подходящие суда не видели и не слышали его.

— Эй, стой...

Белый пароход ещё тянул плот. Волна вдоль борта окатила его. Закачала. Неторопливо обдала прохладой. Белая пена, шипя, ушла между досками. Морская вода омыла покрасневшее от солнечного ожога, засоленное лицо. С трудом открывая глаза, Лёня привстал, собираясь ухватиться за борт уходящего теплохода...

— Я здесь ...

Плот посреди моря одиноко покачивался. Мириады слепящих солнечных бликов отражались на ровной воде.

...пить...

Заместитель начальника связи 25-й Чапаевской дивизии капитан Леонид (с очень смешной фамилией) Пёсик, той памятной ночью был втянут в людской водоворот. Услышав вначале нарастающий гул голосов, а затем, с лихорадочно нарастающим возбуждением, крики:

— ...эскадра... эскадра...ЭСКАДРА!!...

Он, влекомый, обезумевшей толпой красноармейцев и краснофлотцев, потерявшую всяческую воинскую дисциплину и оружие, поддался общему напору. В этой суетной толчее оказались и раненые в окровавленных бинтах, на костылях, ослепшие, контуженные. Смешались гражданские мужчины в полувоенных френчах, с кожаными портфелями. Мужики мастерового вида в потрёпанных тужурках. Женщины, перевязанные платками, с узелками и котомками. Дамочки, с уложенными причёсками и проплаканными глазами, на уставших от бессонницы лицах. Их лихорадочно блестевшие, обезумевшие и, в тоже время, затравленные глаза, с размазанной тушью пытались кого-то выискать в ночной толпе. И губы, со следами помады, всё звали, звали. Дети. Их было много. Жалких, потерявшихся, плачущих, затоптанных вмиг озверевшей толпой. Паническая стихия внезапно уравнила всех этих людей.

— Эскадра!

И действительно, сквозь гул толпы, крики, плач детей, хаотичные выстрелы, Лёня отчетливо услышал приближающиеся звуки моторов со стороны моря. Людская масса хлынула к воде. Лёня безуспешно пытался вырваться из её цепкой хватки. Но стихия несла его, сдавливая и не выпуская. Внезапно всё застыло. Его ноги оказались на краю многометрового обрыва. Обрыва над морем 35-й Бронебашенной Береговой Батареи.

Внизу бурлящее море людских голов. Спускаясь с отвесной скалы, в десятки метров, люди спотыкаясь, падая, сбивая с высоты других, затаптывая упавших и лежащих раненых среди острых ноздреватых камней и валунов — с каждым новым людским приливом, яростными волнами ударялись о причал.

— Эскадра!

К берегу, с погашенными ходовыми огнями и с характерным тарахтеньем работающих дизельков, подходили три катера.

— Эскадра!

— ...почему так мало?

— Это первые пришли.

— Разведчики?

— Да!

— Помнишь, так в Одессе было год назад. Вначале разведчики, а потом ЭСКАДРА!

— Тогда усех вывезли оттудова.

Толпа гудела. Лёня сверху видел только головы. Головы в пилотках, касках, бескозырках, изредка в темноте белели женские платки.

Один из катеров стал приближаться к причалу. Собственно, причалом это сооружение назвать было трудно. Его строили авральными темпами в декабре 1941-го, в момент немецкого жесточайшего штурма. Штурмовым методом, при шторме и ледяном ветре. На нескольких крупных, цепочкой последовательно раскиданных и выступающих из воды скал, вбили обрезки рельсов, обвязали их железной арматурой и положили длинные узкие деревянные настилы. Глубина моря в 20-30 метрах от берега позволяла подойти к «причалу» небольшим тральщикам или катерам снабжения.

Доски-сходни «причала» уже были заполнены людьми. На его оконечности ожидала первый катер швартовная команда моряков-батарейцев. Рядом, окаменело застыли в темноте несколько силуэтов. Своей неподвижностью, они резко контрастировали с бурлящим людским морем и раздражённо бьющими по скале волнами. Это старшие офицеры. Они стояли с усталой покорной обречённостью, избегая смотреть в сторону толпы.

С берега были слышны хриплые обрывки слов моряка-командира в кителе, но без фуражки, выкрикивающего фамилии в металлический раструб.

Когда первый катер подошёл к «причалу», всё прибывающая толпа вдруг внезапно, со свирепой яростью хлынула

на хлипкие сходни, сбивая в воду уже стоящих на них людей, срывая по пути висящих на скалах, затапывая лежащих на берегу, топя стоящих по пояс в воде. Звуки от хаотично вспыхивавших в темноте светлячков выстрелов, заглушали крики обезумевших людей.

Внезапно раздался гулкий треск, ломающихся причальных досок. Многоголосый крик горя и отчаяния, от мгновенно пропавшей надежды людей, взревел из глубины бухты. Бездны бухты. Сотни людей с высоты причала рухнули в воду. Чёрная ночная вода закипела от отчаянно барахтающихся, попавших в водоворот, топящих друг друга людей. Намокшие шинели, тяжелые ботинки, вещмешки, оружие на спине безжалостно тянули на дно, тех, кто ещё недавно был защитником севастопольского оборонительного района. Тех, кто ещё недавно были живыми...

Командиры, стоящие на оконечности причала и не сразу упавшие в море, от толчка, потеряв равновесие, сбитыми кеглями посыпались в подошедший катер. К нему же, со всех сторон подплывали люди, хватаясь за поручни низкого борта. Пловцов всё прибывало. Люди гроздьями висели, пытаясь удержаться за выступающие части катера. Внезапный всплеск и сильный крен на правый борт, от тяжёлой массы обречённых людей, частично обнажил киль корабля. Ещё бы один миг — и катер бы перевернулся, утопив под собой повисших на нём людей. Команда тральщика безжалостно разбивали вцепившиеся в леера пальцы, баграми сталки-

вали людей в море, выталкивали обратно взобравшихся на палубу. Частично освободившись от людей, набирая обороты двигателя, катер дал полный ход, удаляясь от берега. Два других стояли поодаль, мористее, не приближаясь.

Толпа долго ещё не расходилась...

— Эскадра эвакуацию успешно закончила — усмехнулся Лёня, с усилием пробиваясь обратно, сквозь ещё ничего не знавшую о последних событиях, напирющую толпу.

Спотыкаясь в темноте, выставив вперёд руки, он шёл в сторону от казематов батареи. Свежий морской воздух сменялся застоявшимся тяжёлым смрадом мёртвых тел и удушливым запахом гари. Обходя лежащие, недвижимые тела бойцов (кто их в темноте разберёт), катушки трансформаторов, снарядные ящики, остовы сгоревшей техники, разбитые орудия, коегде тлеющее копотью машинное масло.

Внезапно он уткнулся в перевёрнутую «полуторку»¹⁸. Машинально крутанул колесо. Обошёл лежащий на боку грузовик. На земле, упёршись спинами на вертикально стоящий кузов, молча сидели три человека: два краснофлотца и солдат. Сидели молча. Только в темноте красными точками вспыхивали огоньки самокруток. Их едкий, и такой родной махорочный дух ненадолго заглушил душный запах войны и поражения. Леонид присел рядом.

— Здорово севастопольцы.

— Здравия желаю — отрешённо, но по-уставному ответил один из бойцов. Другой, молча достал кисет, насыпал махор-

ку на газетный обрезок, послуныявил край бумаги и скрутил самокрутку. Неспешно подкурил её от своей и протянул Лёне:

— Кури командир.

Лёня затынулся и сразу, потеряв дыхание, задохнулся в болезненных спазмах. Его нос и лёгкие, обожжённые порохом и наглотавшиеся пыли от взрыва в Инкерманских штольнях¹⁹, дышали с просвистом. Боец участливо постучал его по спине. Леня заходился в кашле. Но, глубоко затыгивался и кашлял. Кашлял и курил, пока огонёк самокрутки не опалил пальцы.

— К папиросам привык, товарищ капитан? — участливо спросил сидящий рядом краснофлотец, сумевший в потёмках рассмотреть шпалу в петлицах.

— Нет, братец. Впервые закурил.

Помолчали. Немец методично, но без особой интенсивности, вяло обстреливал (у них-то всё по расписанию, даже война). Далёкое людское гудение на берегу заглушал такой домашний, как в детстве, родной, мирный, убаюкивающий треск сверчков. Лёня прикрыл глаза.

Душная южная ночь. Хор сверчков. Близкое небо усеяно искрящимися звёздными светлячками. Маленький мальчик босиком на тёплой, иссушенной за день траве, с веток редких кустиков собирает в спичечный коробок светлячков. Земных светлячков. Поглядывая на низкие звёзды, он срав-

нивает их со своими сокровищами в кулачках.

— Лёня, сыночек иди в хату. Я тебе молочка приготовила...

— Иду мама.

— Мамочка, я уже иду...

Лёня открыл глаза. Над ним мерцали большие низкие звёзды. Такие бывают только летом и только над морем. Бойцов было уже четверо. Спали. Он поднялся, держась за край кузова. Обошёл лежащий на боку грузовик. Крутанул колесо. Постучал по крышке. Затем по второй, третьей... Целые!

— Эскадра? Эвакуация? Нет эскадры. Но, зато будет эвакуация!

За час до рассвета работа уже кипела. Ночной собеседник-красноармеец, шофёр «полуторки», отработанными движениями откручивал колёса. Моряки, снимали покрышки с дисков, высвобождая шины.

— После того как подготовим камеры, их хорошенько накачайте. Затем выкручиваем днище кузова и снимаем борта — капитан Пёсик, покашливая, негромко отдавал команды.

— Боец, тебе задание — обратился он к моряку: — ищи верёвки, буксировочные тросы, ремни. Если что — снимай с убитых. К шофёру:

— Вода есть в радиаторе?

— Так точно.

— Сливай в свободные камеры. Ниппель выдерни, а дырку забей «чопиком». Лёня осмотрелся: планшет, карты, письма, компас. Тяжёлый пистолет «ТТ» в кобуре на боку. Документы в левом нагрудном кармане. Глянул на наручные часы — четыре утра.

— По готовности, всё по частям несём к морю. Здесь неподалёку есть хороший заход. Там и соберём. Шофёр, насос не забудь!

К рассвету, до начала немецких облётов и обстрелов, плот был готов. Под днищем кузова, теперь уже бывшей «полуполторки» — четыре камеры, скреплённые верёвками и солдатским ремнями. Полторы камеры с водой, слитой из радиатора. А вот с «экипажем» не складывалось. Придерживая покачивающийся плот в рассветной спокойной воде, краснофлотцы отводили глаза, стараясь со взглядом командира не встречаться.

— Товарищ капитан, не доплывём ведь до Кавказа...?

— Да, немец потопит. Лучше уж тут лечь. Скопом то и умирать не страшно.

— Ну а ты, братец? — Лёня обратился к пожилому шофёру. Тот насуплено молчал, покусывая кончик седого уса. Вдруг в его глазах вспыхнула азартная искорка:

— А, етить твою мать! Была — не была! Командир! — Ну, могу же я бросить вверенную мне матчасть!

Все впервые за это время рассмеялись.

Плот отходил от берега. Его «экипаж» с усилием загребал курсом зюйд-зюйд-ост. Течение помогало значительно отплыть от берега. Последнее что видел Лёня в рассветном небе — силуэт знакомого политрука, идущего по краю обрыва и энергичным жестом поднимавшего бойцов.

ТОЛЯ

— Товарищи, разрешите пройти. У меня посадочный талон! Пропустите, товарищи... — немолодой, плотный человек, в полувоенном френче, пробивался сквозь густую толпу. Для убедительности он, в высоко поднятой руке, потрясал какой-то казённой бумажкой. Люди неохотно расступалась. Гражданин неотрывным взглядом, смотрел на прогревающий моторы, пузатый «Дуглас»20. Рядом с самолётом, внутри кольца охраны из моряков-автоматчиков, угрюмо стояла группа людей.

Ночной аэродром на мысе Херсонес в Казачьей бухте был переполнен людьми. Гул и разрозненные выкрики их голосов заглушал шум, нарастающих оборотов авиационных моторов. Толпа, словно густая трава на ветру, приливами волн колыхалась из стороны в сторону, топчась на маленьком пятчке, зажатого с двух сторон морем. Среди бойцов мелькали начальственного вида люди в гражданском и много старших командиров. Белые бескозырки разбавляли пилотки, каски и синие фуражки НКВД-истов. Женщины в бабьих платках

и в элегантных шляпках, группа детей в эспаньолках с красными кисточками и пионерских галстуках. В других условиях, столь разные люди (словно перетасованная колода карт), никогда бы не встретились одновременно, в этом качестве и составе, на этом ничтожно крошечном клочке обожжённой Севастопольской земли.

Стоя немного поодаль и ощущая острое нежелание окунуться в бурлящий человеческий водоворот, Толя механически сжимал в руке свой посадочный талон. Растерянно оглянулся. Люди всё прибывали. Особенно много шли, нет — бежали, со стороны громады Херсонесского маяка. Сам же маяк, некогда белоснежный дневной красавец на фоне синевы морской глади, был болезненно жалок. Закопчённый, обезглавленный, круглая башня которого в нескольких местах, пробита насквозь снарядами. Дыры в маячных белых стенах зияли чернотой ночи. Рядом темнел мрачный силуэт сбитого бомбардировщика, уткнувшегося носом в прибрежные скалы и свечкой задравшего хвост.

Эвакуационный самолёт вырулил, готовясь пред взлётом, принять пассажиров. Пилоты подтянули трап, открыли пассажирскую полукруглую дверь в борту «дугласа». Толпа хлынула к нему, давя друг друга. Стоя на пригорке, Толя хорошо видел хаос происходящего. Группа краснофлотцев-автоматчиков прикладами пробивала в плотной массе возбуждённых и озлобленных людей, коридор для небольшой группы командиров. Местами, кое где вспыхивали огоньки пла-

мени. Сквозь шум слышался треск выстрелов.

— Смотрите! Командующий бежит!

— Точно! Сам Октябрьский со штабом драпает!

— Гад! Сволочь! Нас бросаешь? Сука!

Следом за автоматчиками, низко наклонив голову, ни с кем не встречаясь взглядом, не обращая внимания на оскорбительные выкрики, стремительно шёл командующий Севастопольским оборонительным районом. Командующий Черноморским флотом, вице-адмирал Октябрьский. Он был одет в гражданский плащ, скрывая под ним адмиральский китель. На налысо бритой голове замусоленная гражданская кепка-восьмииклинка. Весь его вид представлял обычного упитанного управленца средней руки, сосредоточенно бегущего по делам.

— Братцы, наш-то адмирал точь-в-точь как товарищ Бывалов из кинофильма «Волга-Волга — раздалось из толпы. Сквозь многоголосый гул раздавались озлобленные выкрики. Враждебность и раздражение угрожающе нарастало.

— Товарищи! — раздался зычный голос, покрывающий рокот толпы: — Товарищи бойцы! Товарищи краснофлотцы! Командующий флотом, по приказу ставки и лично комфронтом, товарищем Будённым, вызван на «большую землю» — готовить эскадру для дальнейшей эвакуации личного состава! Приказываю разойтись! Не препятствовать погрузке!

Член Военного совета Черноморского Флота, дивизион-

ный комиссар, вице-адмирал Кулаков ещё что-то выкрикивал, но Толя его уже не слышал. Он, было, двинулся к трапу самолёта, но плотная стена, постояннодвигающихся, смыкающих пространство человеческими спинами, наоборот отодвигала, затирая его ещё дальше. Толя посмотрел на свой посадочный талон. Горько усмехнулся.

— Здесь я, наверное, буду нужнее...

Внезапно, в него толпа выбросила молодую женщину. В темноте, в мельтешении голов, спин, рук, тел, он с трудом узнал военврача Зою Кравчук. Её, растерянное лицо, растрепанные волосы, затравленные глаза, полные слёз, поникшие плечи, выдавали ощущение горя и полной безысходности. Из последних силенок она крепко держала за руку маленького мальчика, оглушённого ужасом жестокого мира взрослых людей. Не раздумывая, Толя решительно всунул в её руку свой посадочный талон. Чтобы успокоить и отрезвить женщину от паники, он, глядя Зое в глаза, твёрдо, тоном не требующем никаких возражений, приказал:

— Товарищ военврач! Сейчас с этим документом Вы проследуете на самолёт. Это приказ. Задание понятно? Повторить!

Зоя сбивчиво, путаясь в словах, не до конца понимая, механически повторила. И вдруг, испуганно:

— А как Серёжа?!

— Мальчик летит с Вами.

Неожиданно для себя, непривыкший говорить громко, он

крикнул в толпу:

— Товарищи краснофлотцы, приказываю отконвоировать военврача к самолёту!

Твердый командный тон сработал. Несколько моряков повернулись к нему и, не сговариваясь, подхватили Зою и решительно, пробиваясь сквозь толпу, двинулись к самолёту. В последнюю минуту Толя вставил ей в руку свой саквояж с медицинскими инструментами.

Перед тем, как захлопнулся люк, вслед за исчезнувшим в недрах самолёта мальчиком, он увидел спасительные руки пилота, подхватившего Зою с его саквояжем.

Немолодой, полноватый, в круглых железных очках с толстыми стёклами — военврач 3-го ранга, начальник эвакогоспиталя, кандидат медицинских наук, доцент кафедры «лечебное дело» Крымского мединститута, Анатолий Ефимович Шемахантер устало сел на пригорок, в стороне от толпы. Внезапно навалилась усталость последних дней, которую переноса на ногах, он не замечал. До последнего шли операции в его госпитале, на берегу Камышовой бухты. Добротное двухэтажное здание, местами затянутое маскировочной сеткой, немцы пока не бомбили. Цели их бомбардировщиков были дальше: скопления войск на Херсонесском аэродроме и 35-й батареи, колонны бойцов, отходящие конвои. Вражеские самолёты, заходя на цель на бреющем полёте, с жутким воем сирен, пролетали очень низко, демонстрируя свои

зловещие вражеские кресты на крыльях. Иногда Толя мельком даже видел лица весёлого, молодого (и потому наглого) врага, сидящего под стеклянным куполом истребителя. Отбомбившись, фашисты набирали высоту и уходили на свои аэродромы, за новой порцией смерти. Германские самолёты непрерывно шли один, за одним. Так много их ещё не было. Небо было серым от нескончаемой воздушной карусели. Похоже, немцы опьянели от своей безнаказанности и чувства скорой победы. А наши? Наши молчали, лишь изредка, кое-где безрезультатно огрызаясь зенитками. Мимо, в сторону Казачьей бухты нескончаемым потоком, стихийно, неорганизованно шли пешком бойцы, на машинах, на подводах, поднимая пыль на узкой грунтовой дороге. При появлении авиации они в рассыпную кидались под защиту чахлых запыленных степных кустов, бросая обозы, лошадей и технику на дороге. А немец долбил и долбил, словно гигантским чугунным молотом, так что земля сотрясалась до лязга в зубах. Воздух превратился в плотную непроглядную стену пыли, дыма пожарищ, гари и запаха смерти.

Хирург Анатолий Ефимович, а именно только так к нему уважительно обращался весь медперсонал, был поражен количеством поступающих раненых последних дней. Характер ранений — все осколочные. Все тяжелые. Их много. Очень, много. Ещё больше загноений и ампутаций. Приезжающие машины вываливали их перед входом и едут за новой жатвой. Команда к эвакуации госпиталя поступила внезапно.

— Похоже, дела с обороной у нас совсем худые — подумалось начмеду. На следующий день, он узнал от отступающих, что его госпиталь, в котором ещё оставались раненные, немец всё же разбомбил, превратив гору щебня, гравия и обугленных головешек.

По прибытию на мыс Херсонес, деятельный капитан 3-го ранга быстро распределил раненых: тяжёлых на аэродром, а средних и лёгких отправил своим ходом на 35-ю батарею. Затем он вручил Толе посадочный талон на самолёт. На этом организация и порядок закончились.

В темноте Толя устало сидел на пригорке. После отлёта, люди ещё некоторое время оставались на аэродроме. Свежий ночной ветерок прибил пыль, остудил дневной зной, перемешав запахи моря с полынью. Что-то знакомое припомнилось Толе из детства.

Щупленький маленький мальчик, немного косолапя, держа папу за руку, вместе идут вдоль рыжего глинистого обрыва. Большое малиновое солнце нижним краем уже коснулось моря. В отяжелевшем за летний день, закатном воздухе Херсонщины, стоит горький степной дух полыни, смешавшийся с запахом моря и водорослей. Толя любил это время, когда по дороге домой из фактории, можно было наедине поболтать с папой. Дома, в семейной суете, это не получалось. Он сыпал вопросами и, не дожидаясь обстоятельного ответа, нетерпеливо задавал новый.

— Папа, а почему после рыбы всегда хочется пить? Ведь она же водяная, в море живёт?

— Папа, а сколько стоит самовар?

— Папа, а что там за морем находится?

— Папа, а ты умеешь шевелить ушами?

Папа не спешил отвечать, зная, что последует новый вопрос, не связанный с предыдущим.

— Пап, а почему у нас такая фамилия странная — Шемахантер?

Старый Ефим усмехнулся чему-то своему (только теперь Толя понял, что ТОГДА папа был совсем не стар).

— При прошлом Государе Александре II-м, Освободителе, нам евреям задумали паспорта выдавать. Тогда ребе и стал интересоваться, у кого какая родословная. Я, тогда ещё очень маленький, ну такой как ты сейчас, что-то смутно помнил из рассказа бабушки о Персии. Персия? — говорит мне ребе. Так вот ваш род из колена израилева — Мизрахи, а они из Персидской Шемахани. Вот мы так и стали Шемахантерами.

Папа весело подмигнул.

— А на самом деле, мы оказались вовсе не из Персии — а из деревни «Персиковая»! Такие дела...

Помолчали. Степные травы, особенно душистые вечером, волнами растекались, упруго пружиня под босыми ногами. Местами, в сумерках, попадались досадные колючки. Начал нарастать умиротворяющий хор сверчков.

— Папа, а ты кем хотел стать?

Ефим вздохнул.

— Я не стал, но ты обязательно — будешь доктором!

Внезапно Толя остро ощутил потерю Папы, такого большого, сильного, доброго, всезнающего, способного прикрыть собой своего маленького мальчика. Он снова вспомнил эти летние путешествия домой из фактории. Как мало он был с отцом.

Толя растянулся, во весь рост на прогретой за день, пыльной душистой степной траве. Низкие южные звёзды, продолжили свой неспешный хоровод. Сверчки, не смолкая, убаюкивающе стрекотали в траве.

Толя не спал. Около себя он почувствовал лёгкое движение воздуха, а затем мягкое нежное прикосновение.

— Ну как ты?

Близкий родной женский голос вывел его из полудрёмы. Он приподнялся. Рядом сидела его жена Капитолина. Его Капа. Она была почему-то в шинели и мягком суконном форменном берете. На малиновых петлицах, с эмблемой змеи и чаши, были три кубика, старшего лейтенанта медслужбы. Она была такой же, как и при посадке на теплоход «Армения».

— Не стал улетать. Решил здесь остаться.

Надел очки, всматриваясь в темноте на уже подзабытый силуэт её лица.

— А вы уже вернулись из плавания? — спросил он.

— Толик, мой милый Толик, как я по тебе скучаю! — глухо ответила Капа, а затем с надеждой:

— А как наша Рита?

— Рита осталась в городе.

— Дома? На Костомаровской? Возле горбольницы?

— Да. Только вывезти я её не успел... Всё случилось так быстро.

Толя грустно замолчал. А затем:

— Капа, расскажи, как вы добрались?

Он ощутил печальную улыбку жены.

— Мы не доплыли, Толик. Мы остались в Ялте. Было как-то бестолково. Немец только подходил к Севастополю, ещё только начинались бои на подступах к городу, а нас уже приготовили к эвакуации на Кавказ. В первую очередь грузили на теплоход все госпитали, оказавшиеся в Крыму, весь медицинский персонал, санитарное управление 51-й армии, сотрудников госпиталя Приморской армии, а главное — центральный госпиталь Черноморского флота со всем оборудованием и медикаментами. Зачем вывезли нас всех медиков из города, а? Скажи Толя?

Она вздохнула. А затем, тихо продолжила:

— Это напоминало мне какое-то суетливое бегство. Такое рассказывали про убегавших из Крыма белогвардейцев в Гражданскую... так вот, 6-го ноября, в том 41-м, во время погрузки на судно, немцы уже всю бомбили Севастополь.

Ты это знаешь. Мы видели, как на стоящие неподалёку наши военные корабли, тоже почему-то грузили пушки, оружие, боеприпасы для эвакуации на «Большую землю». Зачем, если мы собирались обороняться? Ночью нам объявили отплытие.

Я стояла на палубе, Толик. В темноте высматривала тебя, очень хотела попрощаться. Как чувствовала... Толя, я так ждала тебя!

— Я не мог, Капа! К нам поступили первые раненные из Дуванкоя²¹.

Толя вспомнил тех мальчишек-курсантов училища Ленинского комсомола, которых бросили с одними винтовками, закрывать вражеский прорыв. Спасая их жизни, ему пришлось беспощадно резать под их горькими взглядами, только что, выданную им новенькую моряцкую форму.

— Я не мог, Капа... прости, — кусачий горький комок застрял в горле. Ему стало душно. Все эти месяцы, оставаясь наедине, он не мог забыть, а потом и простить себе, с какой он лёгкостью, между делами, на прощание просто кивнул ей. Не подошёл. Не прижал. Не сказал самые важные слова:

— ...прости Капа, прости...

— ...в 4-ночи, мы приплыли в Ялту. Долго стояли на рейде. Причал был занят. Там на военный корабль грузили солдат с техникой. Когда они закончили с погрузкой, поставили и нас. Весь причал был забит людьми. Постоянно подъезжали грузовики с ранеными.

По первому трапу на нашу «Армению», поднимали раненых, по второму — шли гражданские, женщины, дети, мужчины. Внезапно, погрузку прервали без предупреждения. Над Ялтой в горах раздались орудийные взрывы и пулёмётные очереди. Грузовики на спусках к порту, везущие раненых, остановились. Шофёры разбежались. Сразу же начались подрывы в городе военных объектов, заводов и кораблей. Местами вспыхнули пожары. Ночью они были особенно зловещими. Освещение в городе погасло. Отошли от причала мы где-то в 7 или 8 утра. 7-го ноября. В праздник. В 24-ю годовщину Октябрьской революции...

Капа горестно вздохнула. Помолчала.

— Ну да, ладно. Наш пароход был забит под завязку. Переполнен. Свободных мест не было. Заняты все каюты, коридоры, служебные помещения, палубы. Короче, всё-всё-всё... Люди ходили с трудом, при качке наступая на плотно сидящих. Я стояла на второй палубе, под навесом, сесть не могла. Негде. День начинался сильно пасмурный, ветренный, промозглый. Море в барашках. Отплыв, я увидела, как сверху в город, со стороны гор уже заезжали немецкие бронетранспортёры и военные машины, а из порта спешно отходили наши разномастные корабли, катера, парусники и даже лодки на вёслах. Далёкая уже Ялта, была в тумане. В дымке мерцали огни пожаров, доносились звуки разрывов.

Внезапно, из-за гор вылетели несколько самолётов. Два из них отделились от группы и направились к нам. Мне поду-

малось — наши. Охрана. Но силуэты другие. Чужих самолётов. Длинные, сигарообразные. Стоящий позади меня раненный лётчик сказал, что это торпедоносцы, Хейнкель 111. Они летели прямо на нас так низко, почти касаясь крыльями барашек волн.

Был сильный удар. Одно мгновение — и я даже не поняла, как оказалась в воде. Рядом в безумии бились люди, отчаянно цепляясь друг за друга, топили себя и других. Море кипело от тысяч тел, всплывающих, колотящих руками по холодной воде, пытающихся пробиться к воздуху для спасительного вдоха. Тяжёлая шинель и ботинки потянули меня вглубь. Снизу, сквозь толщу воды, в судорожном мельтешении ног надо мной, плавающих чемоданов, тонущих вещей и одежды, в стремительно поднимающихся упругих пузырях на поверхность, я подняла голову и увидела в мерцающих бликах на поверхности волн, отражённый тусклый отсвет пасмурного неба...

Пока я пыталась глотнуть воздух, внезапная яркая вспышка ослепила глаза. Взрыв в воде оглушил меня. Это была вторая и последняя торпеда. Теперь уже в меня...

Вдруг, яркая, сильнее солнца, внезапно разорвав ночь, ослепила вспышка. Оглушающий силы взрыв разбудил Толю. Он вскочил, ещё не до конца проснувшись. Перед ним, из орудийной башни 35-й батареи, с напором вырвался из тьмы ужасающего размера исполинский столб пламени,

осветив разом онемевших людей. Оглушающий грохот разнёсся диким рёвом. Упругая струя горячего воздуха ударила в лицо. Огненными кометами, перекручиваясь в воздухе, с дьявольским завыванием и шипеньем, летели крупные осколки, словно кометы, оставляя за собой пылающий слепающий след. Затем ещё взрыв. Такой же чудовищный. Снова раскалённые, взбесившиеся, мечущиеся метеориты, хищно ринулись во все стороны. Взрывы, но уже не такой силы, ещё продолжались. Ошеломлённый Толя устало сел спиной к взрывам.

Провёл рукой по траве. Капы не было...
...пить. Как же хочется пить.

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

— Товарищи, кто последний? А что дают? А зачем очередь? — артиллерийский полковник делано-бодро пытался шутить, протискиваясь сквозь плотную толпу старших офицеров в казематах 35-й батареи. Угрюмые, уставшие, с воспалёнными от бессонницы глазами, люди неохотно расступались, не включаясь в напускную браваду балагура, продолжавшего:

— Поделитесь, у кого есть лишний билетик?

Под тесными сводами батарейного подземелья стоял тяжёлый табачно-махорочный дух, смешанный с кислым запахом пота людской скученности, чадом светильников-копти-

лок и человеческого спиртового выдоха.

В одном из жилых помещений каземата, забитым преимущественно политработниками, изучалась карта предполагаемых последних рубежей обороны. Никто не знал, где проходят эти линии и есть ли она вообще? Каждый о минувших событиях высказывался как очевидец, или же с чужих слов.

— Последнее что я видел — это взрыв штольной комбината на «Шампанах», тот, что в Инкермане — буднично сказал капитан связист. Помолчал, вспоминая что-то своё. Продолжил:

— Люди похоже там остались. Много людей. Раненые. Там же госпитали были... Накануне, немец ворвался в город, с Северной стороны. На плечах отступающих, он вклинился в нашу оборону и закрепился на высоте (как раз напротив полузатопленной «Абхазии»²²). Ночью высадили десант. А затем и попёр он нас по железной дороге, вдоль бухты, к городскому вокзалу. В тот же день, но уже, с другой стороны, немцы вместе с румынами, вскарабкались на Сапун-гору и... теперь у них город открыт. Весь Севастополь «как на ладони».

Да, нас разрезали. Мы и, все кто были и Инкермане, ушли ночью, через Малахов курган. Вокзал уже был занят. Многие переплывали бухту от госпиталя в сторону адмиральской пристани. А там — вся площадь Ленина²³ забита техникой, подводами, людьми. Полный бардак! Мы рассчитывали закрепиться на этой стороне, прямо в городе и дер-

жать оборону. Но, был приказ — старшим офицерам оставить вверенные подразделения и прибыть сюда. На 35-тку.

Во всеобщем молчании, каждый видел посыпавшуюся оборону на своём участке. Офицеры нестройно сообщали, что командарм Приморской армии, генерал Петров обозначил новые рубежи обороны. Пока ещё не так всё плохо. Мы удерживаем линию от хутора Пятницкого. Мыс Фиолент наш, да и на истоках Стрелецкой бухты вроде удалось закрепиться. Правда, Балаклаву сдали без боя. Но дороги, ведущие в горы к партизанам, врагом пока не перерезаны...

Вдруг, во внезапно притихшем коридоре послышался сутливый топот быстро идущих людей.

— Товарищи офицеры! — громко в кубрике прозвучала команда. Гул голосов стих. Через полуоткрытую дверь батарейного кубрика был виден стремительный проход адмиралов. Один из них задержался, настезь открыв их дверь, остановился в проходе. Вице-адмирал Кулаков²⁴ медленно осмотрел вставших офицеров, колючим взглядом цепляясь за красные нашивки нарукавных звёзд политруков.

— Товарищ дивизионный комиссар... — начал было один из командиров. Но Кулаков нарочито зычно рявкнул так, чтобы его услышали все стоящие в коридоре, а главное — командующий флотом и обороной Севастопольского района:

— Отставить! Молчать! Что бл...ди, ж..пах сидим? Всю войну просрали!? Товарища Мехлиса²⁵ на вас нет!

Из коридора раздался раздражённо-нетерпеливый голос

Октябрьского 26, окликающий Кулакова:

— Николай Михайлович поторопитесь! Военный Совет уже заседает, на связи командующий юго-западным фронтом! Где все документы? Срочно мне на стол! Выражение лица вице-адмирала мгновенно сменилось со свирепого, на подобострастно-заискивающее. Совершенно другим, уже кротко-угождающим голосом, он бросил в открытую дверь:

— Да-да, Филипп Сергеевич, уже бегу!

Повисла неловкая тишина. Опалённые 9-месячной битвой с сильным и жестоким врагом, не раз чувствовавшие ледяной холодок смерти на затылке, заботливые отцы своему воинству, боевые красные командиры — были прилюдно и оскорбительно-незаслуженно унижены. Они продолжали стоять, отведя глаза, не смея смотреть друг на друга.

— Тебя бы туда, такого холёного гладкого, да в окопы! — зло бросил в спину убегающему адмиралу старший батальонный комиссар Женья Костылёв. Но Кулаков его уже не слышал, властно бросая в толпу:

— Товарищи расступитесь! Мы с командующим готовим эскадру для эвакуации. Всем ждать приказ!

Женья оправил гимнастёрку, расстегнул железные крючки над петлицами и объявил:

— Товарищи, пойдёмте ка на свежий воздух, пока командование советоваться будет.

Он направился к выходу, проталкиваясь сквозь плотную толпу, ожидающих эвакуацию офицеров. За ним неуверенно

последовало несколько человек.

Чистый ночной воздух, освежил ослотивших от духоты и табачного смрада людей. Придал ясность мысли. Южное ночное небо, с гроздьями низких звёзд, удивительным образом вернуло спокойствие и рассудительность. Умиротворяющее стрекотанье сверчков, навевало тоскливые думы, о безвозвратной утрате прошлой мирной жизни.

Офицеры сели на траву в стороне от батарейного капонира. Батальонный комиссар предложил:

— Давайте знакомиться, братцы. — И первым представился: — Женья.

Другие тоже, без званий и должностей, по очереди назвались.

Молча, не сговариваясь, на раскрытой карте, испещрённой синими и красными стрелками, стали появляться более полезные вещи. Женья достал из планшета пол краюхи чёрного хлеба. Саша бережно разматывал, завёрнутый в тряпицу брусок розового сала, густо пересыпанного солью и рубленым чесноком. Появилось пара-тройка хрустящих пупырчатых огурцов и длинных перьев молодого зелёного лука. К общему нехитрому мужскому застолью добавился десяток отваренных картофелен в «мундирах». Штык-ножом открыли промасленную консервную банку ленд-лизовской тушёнки. Саша покрутил её в руках, подслеповато шурясь в очках, пытался прочитать в темноте маркировку: «Meats BEEF

CHUNKS. Wilson & Co., Chicago, Illinois, U.S.A.».

Пока всё нарезалось, Лёня достал солдатскую флягу и потряс ею, проверяя заполненность. А затем, с хитринкой, заговорчески подмигивая, испуганно-делано, оглядываясь по сторонам, со значительностью подняв вверх указательный палец, полушёпотом сообщил:

— Казённый, для протирки контактов радиоламп. И с горькой усмешкой — где же теперь эти радиоампы...

Кружек не было и все по очереди прикладывались к горлышку фляжки со спиртом. После внушительного обжигающего, девяносто градусного глотка, следовал длинный глубокий выдох. Пауза. Надо отдышаться, рукавом гимнастёрки вытереть глаза, полные слёз. А затем, следовал звонкий хруст упругого огурца. Ну и, конечно же, сало с чесноком на душистой краюхе хлеба.

Ночной ужин зрелых мужчин, под гирляндами звёзд и сверестенье сверчков, продолжался до опустошения, передаваемой по кругу фляги. Спирт одновременно взбодрил и, в тоже время и умиротворил, сняв дневные тревоги, переживания и усталость. Один из офицеров достал твёрдую картонную бело-синюю пачку «Казбека» и всем раздал папиросы. Закурили. И, как принято, по вековому мужскому обычаю, после выпитого и доброго ужина — обязательно выговориться. Дымя папиросой, Лёня задумчиво, как бы продолжая отвечать кому-то на недосказанный вопрос, отстранённо произнёс:

— Ну и дела! Никогда не курил, а сейчас — «запаровозил». Вот жизнь пошла — и совершенно неожиданно:

— Нет братцы, похоже, эвакуации не будет. Не похоже на подготовку. Да и эфир молчит. Мне шифровки не поступали ни на отправку, ни на приём.

— И у меня нет никаких сведений — заметил Саша.

Опытные войны, претерпевшие ожесточение девятимесячной осады, свирепые штурмы, непрерывные беспощадные бомбёжки, насыщенные сверхмощные артобстрелы гигантскими калибрами. Именно они, видевшие городские пожары, голод, смерти, бессилие раненных и ...неожиданную слабость армии, отсутствие нашей авиации, спасительной ПВО. А главное — уязвимую беспомощность флота под беспощадно-точными ударами вражеской авиации. Стоя на крайнем пятачке ещё не рухнувшей обороны, они словно случайные попутчики в поезде, которые поутру безвозвратно разойдутся на следующих станциях — доверительно откровенно открылись друг другу. Впервые, за долгие годы, испытав необычайную лёгкость безбоязненного откровенного общения. Впервые, не боясь говорить правду после 1937-го. Сквозь назойливый треск пропагандистских лозунгов, публичных проработок «врагов народа» растерянно оправдывающихся на партсобраниях, удушающей атмосфере подозрительности и шпиономании, зависти корыстных соседей, инициативных дураков, «бдительных» собеседников-стукачей. Впервые с начала войны, когда сдавались наши города и сто-

лицы, когда попадали в котлы целые армии, когда враг гнал тысячные колонны наших пленных, по нашей же земле, впервые, во весь голос, без боязни доноса собеседника и без острожно—опасливой оглядки на особиста!

— Если эвакуации не будет, тогда зачем всех старших офицеров и начальников служб выдернули с позиций, ослабив оборону? — спросил Женя с досадой.

— Да, это походило скорее на бегство. Без командиров фронт посыпался — его поддержали остальные командиры.

— Город ещё можно было держать, если бы заранее начали готовить эшелонированные рубежи обороны, довели по заведованиям план и начали бы постепенно отходить, изматывая фашистов в боях. А они свою артиллерию больших калибров в городскую застройку, никак не засунут. Да и город бомбить не станут, чтобы себя же и не долбануть.

— Тогда бы и эскадра частями, в ночное время, стала бы вывозить бойцов. Ведь можно было? А?

— Не можно! — резко ответил майор-артиллерист береговой обороны: — Совсем не можно! Во-первых и, сразу же, в последних — закончились снаряды больших калибров. Средние же, почти на исходе, а малых — уже нет! Видели сколько брошено орудий и пустых повозок для боеприпасов, по всей длине Камышёвского шоссе? Во-вторых, фашистские стервятники полностью перекрыли нам небо в радиусе 60-70 километров — мышь не проскочит! Какая эскадра? О чём вы говорите? Вы, наверное уже успели заметить, как они

разутюжили эсминец «Свободный»²⁷ в Артзаводе, на мысу Павловском, в последних числах июня? Вы говорите — эскадра? Какая эскадра? В Форосе лютует итальянская бригада быстроходных катеров-охотников, с какими-то чудо торпедами. Они-то, уж точно при любой попытке уйти, нас всех перетопят!

Отдышавшись, зло продолжил: — Нет снарядов, говоришь? Да есть они. Много. Очень много. Хоть задницей ешь! Но какие? 100-миллиметровые. Но — это корабельный калибр. Устаревший, ещё с царских времён. Вставь-ка его в полевую пушку...

— Да, потеряли время — буркнул Саша с тяжёлым вздохом: — Надо было всю использовать зиму, с её нелётной погодой и длинными тёмными ночами. Вот тогда и надо было гонять флот для снабжения обороны! Мы понадеялись на Крымский фронт в Керчи. А ведь Манштейн²⁸, после декабрьского штурма (который наша разведка благодушно прозевала), здорово выдохся, воюя на два фронта в Крыму.

Женя согласился:

— Действительно. Задним умом, все крепки! Тогда в декабре 41-го, после разгрома нашей кадровой армии лета-осени, вдруг стало всё хорошо складываться. Немца под Москвой разбили. И не просто разбили, а ещё и отбросили! Города начали освобождать: Харьков, Ростов-на-Дону, Керчь. В себя поверили, армия воодушевилась, казалось: ещё рывок — и победа не за горами. Ведь тогда товарищ Сталин сказал,

что 42-й год — будет годом победы...

В согласии все молчали. Лишь изредка подсвечивая в темноте лица, вспыхивающими огоньками папирос. Женя с досадой продолжил:

— И где этот победный год? Под Москвой застряли. Там позиционные бои, как в ту — империалистическую, 1914-го года. Ленинград, правда, ещё держим. А вот под Харьковом — катастрофа! Котёл, наверное, не меньше Киевского. Целый фронт в окружение попал и сгинул! Ростов опять пал. А о Крымском фронте — и говорить страшно. Такой разгром! Полгода целых две армии и танковые дивизии стояли и бездействовали. А пойти бы им по железной дороге, вдоль Арабатской стрелки и закрепись бы на Перекопе: вот тогда и Манштейну — крышка!

— Я занимался подготовкой и обеспечением десантов — монотонно-глухо, как бы для себя, продолжил Саша: — Мы готовились к высадке в Крыму середине декабря, после того как немец вышиб нас из Керчи. Ставка поставила задачу: ослабить давление на Севастополь, а по возможности — отбить и весь полуостров. Месяц Манштейн собирал силы для решительного рывка на Севастополь. Всё делалось спешно, непродуманно. И, как всегда, нам не хватило времени! Главным плацдармом предусматривалась Феодосия. Почему? Да потому что в Керчи, мы при отходе, взорвали боеприпасы в порту, а вместе с ними и все причалы разрушили, сделав их не пригодными для высадки. Время десантирования оказа-

лось самое неудачное. 29 декабря (как назло!) — сильный мороз, шквальный ветер, шторм, видимость нулевая. Потеряли десантные баржи, людей и матчасть. Многие утонули от тяжести обледеневшей одежды. Высадившиеся потеряли личное оружие и боеприпасы. Но высадились же! Закрепились! Правда, в Феодосии и Судаке из-за отсутствия нашей поддержки, десанты вскоре были перебиты. А вот в Керчи — удержались. Но дальше Ак-Монайских высот, в самой узкой, и самой опасной части Керченского перешейка остановились и не шаг не продвинулись. Встали. Встали и выдохлись. Сколько техники потом туда перегнали! Как оказалось всё напрасно. А людей сколько зазря погубили...

Лёня добавил:

— Тогда и в Евпаторию десант высадили. Высадить-то, высадили, да вот обеспечить и снабжать его, не смогли. Все ребята мои там и полегли...

Немцы не спали. Всю ночь по нашим позициям шёл беспокоящий артиллерийский и миномётный обстрел. В небе висели их осветительные ракеты. Привыкшие ко всему, сидящие вблизи от батареи офицеры, на недалёкие разрывы внимания не обращали. Саша, ещё не отмахнувшись от воспоминаний о десанте, горько добавил:

— Кстати, на момент начала штурма Севастополя и подготовки Керченского десанта, Октябрьский вместе с Кулаковым, внезапно «рванули» в Потю. Типа, готовить его как главную базу Черноморского флота. Сами же, уже тогда на-

меревались эвакуироваться из Севастополя. И только окрик комфронта Будённого и наркома флота Кузнецова, вернули их сюда. Я сам тогда в Анапе видел копию этой телеграммы.

— А для меня загадка — сказал Лёня — Как можно было малым немецким войском разгромить такую силищу Крымского фронта, да ещё и за пару-тройку дней? Я хорошо знаю немецкий (вырос в немецкой слободе, да и ВУЗ-то технический — вся документация на немецком). Так вот: сидел на радиоперехватах, слушал германца. А они, прямым текстом, не шифруясь «шпрехали», что тоже ошеломлены скоростью и масштабом наших потерь. Ещё они говорили, что загнали целую армию и мирное население в какие-то заброшенные пещеры-каменоломни за городом. Название не очень запомнил. Ад... Адж... Аджимушкой, по-моему...вроде так. И ещё. Они обсуждали, как их известить там и запрашивали разрешение вермахта на использование боевых газов. А генералы их, требовали обязательно поймать комфронта Козлова, а главное — начальника политуправления всей Красной Армии — Мехлиса.

— Эх, Мехлис, Мехлис — с обидой в голосе, вставил Женья — Как он красовался в армии перед войной. Ну, вылитый, Чапай! Шашкой налево, маузером направо! Везде его портреты. В 1937-ом проявил себя. И как проявил?! Герой! Сколько пересажал! Наверное, также и в штабе Крымфронта бесконечно трещал, мешая работать. Все выискивал врагов и предателей! Воспитатель хренов! Не везёт Керчи с пол-

ководцами. Осенью оборону возглавил целый маршал! Маршал Кулик. Знаете такого? И что? Сдал город и порт. После десанта, Мехлис в Керчи. Для усиления. Военный комиссар 1-го ранга, начальник Главного Политуправления, аж целый заместитель наркома обороны, представитель Ставки... Мать его! Сразу начал с расстрелов генералов и командиров. А почему начал? Продолжил. В 41-м, перед строем расстрелял одного из генералов нашего Северо-Западного фронта (фамилию, ребята, запомятовал). Да сейчас уже и, не важно... Так вот, я ещё приказ об этом бойцам зачитывал. А как он перед войной «чистил» Дальневосточный фронт. В «Правде» хвастался, сколько он сам лично, принципиальный и бдительный, шпионов разоблачил! В Финскую кампанию расстреливал командующих, штабы и политотделы все составом, на глазах выстроенных войск. Узнав о назначении Мехлиса на Крымский фронт — понял, как он воевать собирается.

Батальонный комиссар ещё бы сказал. Осёкся. Но, поиграв желваками от злости, всё же продолжил:

— Перед войной бывал я на его сборищах: все враги, все предатели, всех расстрелять! Семьи выслать. Детей — в детдом. Бойцов, заподозренных в трусости — расстреливать перед строем! Вот такие политзанятия были. А о том, что война в Европе второй год идёт, ни гу-гу. Слухи о нападении фашиста — провокация. Немедленный расстрел. После его истерик, сразу в казарму, да под душ. Смыть всю эту грязь.

Но совесть-то не помоешь? Почему молчали? Боялись. За семьи, за детей, за себя. Нас пару раз, после этого садиста, собирали в генштабе. Товарищи, ну совсем другая обстановка. Рабочая, деловая. Постоянный анализ войны в Европе. Штабисты-оперативники, денно и ночно, падая от усталости, рисуют постоянно меняющиеся карты войны. Современной войны. Войны авиации, танков и артиллерии. Войны — маневренной. Правильно товарищ Сталин говорил: сегодняшняя война — война моторов. Штабисты показывали ожидаемые направления фашистских ударов по СССР. Почти совпало. Кое в чём просчитались. Выступали начальники Генштаба Мерецков, потом сменивший его Жуков. Маршал Шапошников, оперативники Ватутин и Василевский. А что Мехлис? Навоевал сука! Результат? Город сдал. И не просто город — а целый фронт! Вот так-то...

От злого возбуждения его лицо покрылось испариной:
— А дайте-ка ребята, ещё глоток спирта!

Пустили, почти опустевшую флягу по кругу, лакая языком последние, драгоценные глоточки. Выпили уже привычно, не ощущая огненного жжения.

Фляга вернулась хозяину. Лёня задумчиво потряс возле уха и внезапно радостно:

— «Комиссар, а здесь ещё одна капелька булькатит. Ну, может и не капелька. А так — пары́. Как раз для тебя. И широким жестом:

— Держи!

Политрук Костылёв откинулся навзничь, заложив руки за голову и хитро улыбаясь низким звёздам, мотнул головой:

— Никак нельзя, братцы, последнее пользоваться. Порядки знаю... наших тюремных обычаев. И внезапно: — Я же ведь во «врагах народа» успел на отсидке побывать! Вся компания внезапно весело рассмеялась, здоровым хохотом снимая усталость и напряжение, нисколько не удивляясь неожиданному откровению.

— Вот уж нашёл чем удивить. Испугал ежа голой жопой! — хлопая комиссара, похохатывал Саша:

— Тоже ещё «враг народа» хренов выискался! Да здесь мы все такие. А которые не из «таких», так они в далёком тылу, на снабженческих должностях расселись и усиленный паёк лопают. Я, например, сам из «кулаков». И вся родня моя в классовые враги записана! А по линии жены — шпиёны-двурушники. Вот так-то, дорогой ты наш «враг народа».

Отсмеявшись, ночные собеседники замолчали каждый о своём. Лёгкий ночной ветерок шелестел травой серебристо-бархатной степной полыни. Убаюкивающее потрескивание неугомонных сверчков заглушало гул, далёкой канонады. Уханье разрывов, временами напоминало ночной лай, лениво переругивающихся между собой, деревенских собак.

— Я так понял товарищи, что вы, наверно, ещё не слышали эту новость — внезапно нарушил общее молчание майор-артиллерист — Вчера, в Новороссийске погиб лидер «Ташкент». Прямо в порту! Я на посту радиотелеграмму

принял. Да вот и она!

Он достал из нагрудного кармана вчетверо сложенный фирменный бланк.

— Читаю: сегодня, по ВМБ Новороссийск, был удар немецкой авиации. В результате налета затонули лидер «Ташкент», эсминец «Бдительный», два транспорта, получили повреждения крейсер «Коминтерн», эсминцы «Сообразительный», «Незаможник», подводная лодка «Л-24», два сторожевых корабля, два транспорта, торпедный катер... Всё. Дальше читать не буду, там ещё много чего. Сил нет.

Задохнувшись от жуткого известия, потеряв дар речи, офицеры не могли поверить, а главное, осознать масштаб беды.

— К-А-К!?

— Почему допустили? Немец за один день половину наших кораблей утопил!

— Корабли мы научились терять, почти с первого дня войны» — с горечью, о наболевшем, впервые за всю войну, в голос решил выговориться Саша:

— Да, 22-го июня флот врага встретил во всеоружии. Налёт на Севастополь отразил. Вышли из бухты, рассредоточились. Вражескую авиацию рассеяли зенитным огнём. На волне тогдашней удачи, в спешке стали готовить, продуманную еще до войны, встречную наступательную операцию. План был красивый. Упредив врага, решили атаковать нефтяной порт в Румынской Констанце. А заодно, и их флот уничто-

жить. Но, координации не получились. Двинулись к румынам большими силами, но без самолётов. Стали на траверзе Констанцы далеко, опасаясь встречного огня береговых батарей. Теперь уже, о прицельной точности нашей стрельбы, из-за громадной дистанции, даже и речи не было. После первых залпов румыны, а точнее батарея «Тирпиц» с немецкими артиллеристами, о которой мы не знали — («спасибо» разведке!), быстро ответили. Затем к ним присоединились корабли «Реджина Мария» и «Мэрэшти», выйдя из порта нам на встречу. Их узнаваемые силуэты хорошо просматривались в дальномёры. Они все вместе, сразу и потопили наш новейший лидер «Москва». Взрыв расколол его напополам. Ушёл под воду за пару минут, окутав всё паром. Триста человек экипажа погибли. Крейсер «Ворошилов», бросился к нему вытаскивать людей из воды. Но, тут же подрывается на mine. Я тогда был на лидере «Харьков», нас сильно обстреляли. Корпус и надстройки посеколо осколками. Идти на минное поле, о котором не знали, не рискнули. Часть людей с «Москвы» подобрали, остальных бросили тонуть. В глазах стоят их отчаянные попытки доплыть до нас. До сих пор не могу себе простить, что не настоял выкинуть морякам плотики, спасательные круги и жилеты! Вроде бы не «моя вахта». Приказа не было... под сильным огнём, рискуя потерять корабли и экипажи, сыграли отход. Оставшийся на плаву, полузатопленный, потерявший ход «Ворошилов» буксировали под обстрелом до Одессы. Уже после провала ата-

ки, возвращаясь обратно, увидели запоздалые эскадрильи наших бомбардировщиков. Как позже узнал, они отбомбились в «молоко», не попав ни по одной из целей. При этом, девять самолётов немцами было сбито. Тогда же, на связь перестала выходить и наша подводная лодка, работавшая в этом районе.

Ошеломлённые от неожиданной правды, береговые офицеры, не знавшие подробностей этой замалчиваемой операции, оцепенело слушали Сашу. Он негромко продолжил:

— Уже в Севастополе, в штабе, разбирали провал этого спешного, непродуманного, губительного налёта. Стало известно, что лодка с экипажем, дежурившая в акватории Констанцы, погибла. Её командира не предупредили о готовящейся нашей атаке по румынам. Увидев нашу эскадру, он, возможно, принял её за вражескую и торпедировал флагман — «Москву». Зная своё оружие, допускаю, что могла быть 53-сантиметровая торпеда. Взрыв видел. Характер подрыва очень похож на торпедный. А «Ворошилов», обнаружив, типа «торпедную атаку», потопил лодку. Но это, всего лишь, кем-то из штабистов высказанное полушёпотом, предположение. Недоказанное. Вероятнее всего — «Москва», всё же подорвалась на mine. В суматохе боя, не разберёшь. Так и доложили в Ставку и наркому. Правду, наверное, уже никогда не узнать...

В недолгой повисшей тишине, Лёня, обыденным тоном продолжил, начатую моряком-торпедистом корабельную те-

му.

— После Финской, я служил в береговых частях на Балтике, в только что, присоединённом нами Таллине. Видел наше позорное бегство флота, конца августа 41-го²⁹. Иначе это никак не назовёшь! Немцы уже ворвались в город, а весь Балтфлот и транспорты скопились в порту, видимость их — как на ладони. Прикрытия — ноль. А порту скопление войск, техники, гражданские, женщины, дети. Толкотня, шум, крики, плач. Немец с близлежащих улиц подтянул танки, полевую артиллерию и начал прямой наводкой обстреливать корабли. Комфлота вице-адмирал Трибуц, почему-то тянул с эвакуацией, губя корабли и людей. Думаю, ждал приказ сверху от командования об отходе. Зачем затянул? А потом, уже стало поздно. Короче, бежали из Таллина неорганизованно, как попало, без конвойного сопровождения, без прикрытия авиации. Бросили на причалах войска, людей, матчасть, боеприпасы, горючее. Ничего не взорвали! В переходе усиленно охраняли только крейсер «Киров». Остальные корабли плыли рассредоточено, часть на собственных минах подорвались и утонули, других разутюжило люфтваффе. До сих пор мурашки по коже от воя сирен, заходящих в атаку юнкерсов. Немец низко летал, чуть не цепляясь брюхом за мачты. По всему маршруту видели полузатопленные корабли (Балтика ведь неглубокая), с людьми, стоящими по горло в воде и моливших нас и Бога о помощи. Не подходили. Не спасали. Уже в Кронштадте, отбивал РДО в Ставку, Кузнецову, Вороши-

лову о потерях. Из более чем, двухсот кораблей мы потеряли шестьдесят. Людей не считали. Войск было не менее 30 тысяч штыков, да сил флота, где-то тысяч десять. Эх, как бы онигодились бы в Ленинграде!

Лёня в темноте всматривался в лица, ещё недавно незнакомых людей, а теперь ставших ему уже душевно-близкими. Глядя на политрука, горько усмехнувшись, продолжил:

— После Кронштадта, направили к Будённому, на Юго-Западный фронт. В январе, вместе с десантом оказался в Керчи. Видал я там и вашего Мехлиса. С наганом по окопам бегал, лично бойцов в атаку поднимал. Сплошные крики, «мать-перемать»! А с весны я — у вас в Севастополе. Приплыл в затишье, с маршевым пополнением, на «Ташкенте». Прибыл и что? А здесь и Таллин, и Ленинград, и Керчь повторяются. В Одессе с эвакуацией у вас хорошо получилось. А в Севастополе так не выходит. Хорошо запомнил Балтийский переход с юнкерсами и минами. Только в Чёрном море глубины уж по более. По горло в воде прстоишь не более минуты. Воронка сразу на дно закрутит, вместе с уходящей палубой.

Содержимое фляги закончилось. Коробка «Казбека» опустела. На мятой полевой карте, испещрённой синими и красными стрелками, расплылись пятна жира, валялись картофельная кожура, обрывки перьев молодого зелёного лука и пустая банка ленд-лизовской тушёнки.

— Братцы! А у кого водичка есть?

— Да! Так пить хочется.

Воды не было. Моряк-артиллерист поднялся:

— Пойду на батарею, там поищу.

Сидели молча. Нужно было осознать и что значительно труднее — принять, ту ошеломительную правду, очень разную правду, сведённую во едино, теперь уже общую для них, для всех. Своя правда, испытанная лично только самим собой в узком окошке собственной судьбы, но влившуюся в другие судьбы, на этом маленьком кусочке той необъятно-большой войны.

— Не к той войне готовились — грустно заметил Лёня.

— А кто к этой войне готовился? — охотно подхватил Женья и возбуждённо:

— Поляки готовились? Французы с англичанами? Даже американцев, посередке Тихого океана, врасплох застали! Все они готовились и все разбиты! По опыту гражданской в Испании считали, что следующая война будет опять позиционной, на истощение. Наши бои на Хасане, Халхин-Голе, да и финская компания это подтвердили. Помните, как мы в предвоенные годы готовились к войне. Сколько оружия сделали, сколько боеприпасов! Флот, какой создали! И где всё это? Товарищ Ворошилов учил, что будущая война будет вестись малой кровью и на территории противника. Где эта «малая кровь»? Всё распевали «Если завтра война...», «Броня крепка и танки наши быстры...»

— Нет, не к той войне готовились — поддержал его Саша:

— Мне приходил бывать на совещаниях в наркомате военно-морского флота по своим, торпедным вопросам. Но слышал и видел, как менялись боевые задачи, в зависимости от изменения политической ситуации. (Меня это касалась тактикой и характером применения вооружения). В конце тридцатых, перед войной, готовились воевать с Антантой. Для этого большой флот не нужен, перед мощью британских линкоров и французских крейсеров. Упор делался на «москитный» флот — быстроходные торпедные катера, скоростные лидеры эсминцев, типа потопленных «Ташкента» и «Москвы» и береговую оборону. Затем, с началом войны, всё поменялось. Теперь главная угроза — линкоры Италии и Германские крейсера с подводными лодками. Первоочередная задача стояла — уничтожить румынский флот и блокировать Турцию, с её проливами. А вот здесь, нужны линкоры, тяжёлые крейсера, десантные баржи, танкеры, корабли снабжения, и сильная морская авиация. Но, итальянцы не появились, германцы подлодки по Дунаю не сплывили, румынский флот не утопили, а Турция (слава Богу!) в войну пока ещё не вступила — здесь Саша неожиданно перекрестился. Этот жест никого не удивил. На войне перестаёшь быть атеистом. Он помолчал, что-то вспоминая, но затем продолжил:

— Немцы на Чёрном море свой флот заменили авиацией. Наши большие корабли для них стали мишенью, а для нас обузой. Линкор «Парижская Коммуна» в декабре сто-

ял в Южной бухте, стреляя главным калибром по площадям, не прицельно. Моряки рассказывали, что орудия главного калибра были настолько изношены, что при выстрелах из стволов вылетали куски дульного металла. Осмотрелись. Прослезились. После залпа — трещины в нарезной части ствола, а то и сразу внутри «съедены» до 8-ми нарезов. Так линкор и повоевал: три выстрела — минус три ствола. Огонь был скорее символическим. Отпугивающим, что ли. И ещё, от тех залпов начали отваливаться у него броневые листы. Благо неглубоко, достали. Отогнали в Потти от беды подальше. Кстати, о беде. Помните гибель «Червоной Украины»? Крейсер обновлённый, модернизированный. Три дня стоял корабль в центре города. Немцы несколько раз его демонстративно облетали, запомнили стоянку. Командир Заруба постоянно просил его передислоцировать. Но командование его рапорты пустило на самотёк. Налёт не заставил себя ждать. Разбомбили. Затонул у причала. Эх, товарищи... а постановка морских мин у входа в главный Севастопольский фарватер, чего стоит!? Мины расставили, а гражданскому флоту и лоцманам карты минных полей не выдали. Сколько своего, бывшего гражданского, транспорта потопили! И заметьте, не руками врага, а по собственному головотяпству. А оборона Крыма после сдачи Одессы, размазанная по всему побережью? Это уже приказ Октябрьского. Очень он боялся десанта, по типу Критского. Когда в мае 41-го, немцы на острове Крит провели успешную воздушно-десантную опе-

рацию, сбросив англичан в море. И хваленный британский флот не спас наших союзников.

— Сейчас, наученные опытом, набившие шишки, мы все немножко стали стратегами — согласился Женя.

— Да, уж. Таковую силищу германских войск почти на год здесь сковали — поддержал Лёня.

— Эх, если бы только одних германских? — возразил Женя — На самом деле со всей Европой воюем! Послушайте, против нас здесь немецкая 11-я полевая армия Манштейна. Это, не считая тяжёлой артиллерии собранной со всей Европы. В небе 8-й воздушный флот Рихтгофена.

— О-о-о! Я с этим стервятником хорошо знаком по Испании, с его, печально «знаменитым» легионом «Кондор — перебив комиссара, вставил Саша.

— Да-да, и тяжёлых орудий сколько натащили! — поддержал Лёня — «Карлы», «Шкоды», «Торы» 600-миллиметровые, одна «Дора» в 800-миллиметров чего стоит! Один выстрел — квартала нет. Хуже всех от этой пушки досталось нашей 30-й батарее. — Это не всё. Румыны, со своим горным корпусом. На море — итальянская быстроходная флотилия MAS...

— Они уже успели потопить две наши подводные лодки. И крейсеру «Молотов» нанесли торпедами такие повреждения, что еле-еле дошёл до порта. А сколько транспортных судов на дно отправили! — зло добавил Саша.

— В начале наступления — продолжал Женя — по дан-

ным нашей разведки и показаниям пленных, Манштейн получил дополнительный Ливийский корпус, переброшенный из Африки. К слову сказать, в Северной Африке у немцев и итальянцев дела, к нашей беде, идут весьма успешно. Англичане, вероятно, оттуда будут выбиты. Пролиты закупорятся. Так вот, мы сейчас на острие удара головорезов, именно этого, Африканского корпуса. И ещё, на Балаклавском направлении бьёмся с морскими пехотинцами из Хорватии. И «братушки-славяне» нас не забывают. Всё германское снабжение и вражеское базирование идёт из Болгарии. Гитлеру вся Европа помогает: техникой, боеприпасами, снабжением, паровозами, кораблями, продовольствием. Вся Европа! Да, правда и у нас есть союзники!

И в доказательство, политрук схватил пустую, выеденную дочиста, вымазанную внутри хлебом, банку ленд-лизовой тушёнки и замахиваясь, словно гранатой, с силой запустил её в сторону предполагаемых немецких позиций:

— Вот он, второй фронт! Держитесь гады! Американцы и англичане по ленд-лизу нам уже высылают новейшие самолёты, танки, пушки, медикаменты. Ох, умоется, ещё как умоется, фашист своей кровью...

Южная летняя ночь коротка. Сверкающий перелив алмазного блеска звёзд тускнеет и они, как бы мельчают, понемногу растворяясь. Небо становится ниже. Глубже. Полночные шумы стихают. Замолкают ночные птицы и сверчки. А зар-

ничные пташки и полуденные цикады ещё не проснулись. Море в предрассветные часы замирает. Чёрная вода становится необычайно спокойной, морская поверхность, зеркально гладкой. Воздух сонно обволакивает и недвижимо застывает. Лишь восток на горизонте обнаруживается неуверенно светлеющей, лиловой полоской.

Немцы, обстреливая нас все реже и реже, а затем и вовсе прекратили пальбу. Готовясь с рассвета ударить шквальным огнём больших калибров, прицельно и беспощадно, по скоплению измученных людей на плоской, выжженной солнцем, безжизненной скале.

Случайно (а случайно ли!?) оказались сведены вместе этой ночью трагическими обстоятельствами, в беспомощном бездействии (так, к несчастью получилось!), ночные собеседники. Все сегодняшние полуночники — старшие офицеры, флагманские начальники боевых служб, средний командный состав — исполнительский хребет армии. Будучи педантами в продуманности планирования, ответственные волевые управленцы, инициативные командиры, с постоянным контролем за исполнение приказов, своими знаниями и опытом, зачастую ценой собственной жизни, прямым руководством в исполнении задач, красные командиры, по большей части, сегодня ночью говорили только о плохом, о наболевшем. О чём в другое время они и помыслить не могли, не то, что высказаться вслух. Зная больше других, чем их сослуживцы в блиндажах или кубриках, ночные собеседни-

ки — с отчаянной горечью видели и, разрывая бессильными страданиями собственную душу, переживали слабость родной армии как свою собственную. Бездарность и плохо скрываемое малодушие, выращенные системой террора, случайно ставших над ними командиров, как оказалось, недалёкими стратегами. Всю войну, каждый из этих случайных ночных собеседников, по отдельности, на своём месте, всё делал правильно. Тогда почему же, несмотря на общие усилия, мы все вместе пришли к такому разгромному финалу?

Признавались горечь поражений, ошибки и просчёты, человеческая трусость и подлость, тотальные недоверие и нелюбовь государства к своему народу, которые только в самую тяжёлую годину ненадолго стали «братьями и сёстрами».

Выговорившись, они испытали свободу и невероятную душевную лёгкость от откровения и правды. Но чувства обречённости не было. Вовремя сказанная правда, пусть даже лютая, удивительным образом, словно исповедь, очищает душу, рождает надежду, придаёт силы и побуждает к единственно верному поступку. Поступку — по совести.

К счастью, никто из них не знал своей завтрашней судьбы. Оно и к лучшему. Сегодня они все ещё живы...

Полулёжа на правом боку, Лёня тихонько что-то насвистывал.

— Не свисти, денег не будет! — шутливо бросил ему Же-

ня. Лёня усмехнулся:

— Комиссар, ты о чём? Какие деньги! Была голова цела!

И неожиданно, подтверждая отменный музыкальный слух, виртуозно стал высвистывать известную песню. Сразу узналась мелодия Петра Лещенко — «Скажите почему?».

Взгрустнулось. Ещё один разбитый осколок прошлой мирной жизни.

Саша, опёршись спиной о бетонную постройку, глядя на синее свечение с востока, обозначившее кромку земли, повёл рукой по степной траве. Внезапно появившиеся капельки росы, приятно охладили. Он сорвал травинку, равнодушно-неосознанно пожёвывая её. Во рту жжение. Горько. Полынь. Горькая полынь. В сердцах сплюнул.

И внезапно:

— А от меня жена ушла...

ЖЕНЯ

— Товарищ комиссар, разрешите обратиться — седоусый главный корабельный старшина приложил руку к козырьку офицерской фуражки.

— Что хотели, старшина? — на ходу, не останавливаясь, спросил Женя

— Там в окопе, недалеко, в сторону аэродрома, политрук раненный. Кого-то из командиров просит. Уж очень плохой он...

— Показывай — пригнувшись, они пошли быстрым шагом.

В неглубокой воронке полулежал, оперев голову на выступающий камень, младший политрук. Женя с уважением скользнул взглядом на не споротые красные комиссарские звёзды выше обшлага рукава, разрешённые к снятию приказом РККА ещё в 41-м. Раненный политрук попытался приподняться, морщась от боли. Женя остановил его, присев напротив. Быстро глянул, осматривая состояние ранений.

На недвижимой левой руке, перемотанной загрязнившимся растрепанным бинтом, бурой коркой запеклась кровь. Из разорванного галифе левой ноги зияло большое, вывернутое наружу, чёрное рванное пульсирующее отверстие. Вокруг снаружи и внутри загноившейся раны, по липкой сукровице, по-хозяйски копошились белые множественные склизкие личинки опарышей. Из разрезанного по всей длине голенища сапога, вывалилась неестественно вздувшаяся, посиневшая нога. На почерневшем, состарившемся лице нездоровым блеском горели провалившиеся вглубь глаза.

— Миномётная мина, 105-й калибр — глядя в упор, белыми иссушенными губами, как бы оправдываясь, произнёс раненный.

— Товарищ старший батальонный комиссар, — младший политрук 926-й батареи, 61-го зенитного артиллерийского полка, Приморской армии, Бороухин Пётр Васильевич — представился он:

— Товарищ комиссар, докладываю: с 27 июня, по приказу командования, отходим с оборонительного рубежа, второго кордона Мекензиевых гор. Потерял почти весь личный состав.

— Сколько бойцов с Вами, лейтенант?

— Теперь уже один. Почти весь личный состав «накрыло» ещё на кордоне. Орудия разбиты. Боеприпасов нет. Подкрепления нет и, не будет. Приказали отходить к «Шампанам». А там...там — уже немец и гора взорвана...

Политрук, опираясь локтем на рукоять короткой сапёрной лопаты, из-за спины достал здоровой рукой плотно набитый кожаный офицерский планшет:

— Товарищ комиссар, у меня документы для передачи в штаб...Прошу Вас доложить командованию, что младший политрук Бороухин задание выполнил.

Женя открыл планшет. Журнал боевых действий, аккуратно записанные химическим карандашом телефонограммы, расчётные таблицы стрельб и ... перевязанные бинтом плотная стопка партийных и комсомольских билетов, небольшая пачка неотправленных солдатских писем-треугольников. Молча сложив всё обратно, Женя согласно кивнул:

— Не беспокойся Пётр Васильевич, всё передам.

— И ещё... — политрук горячими пальцами взялся за руку Жени, напряжённо и ищуще всматриваясь в глаза, долго не решался сказать: — товарищ старший батальонный ко-

миссар... товарищ комиссар, дайте Ваш пистолет!

И почувствовав внезапное облегчение от произнесённых вслух важных слов, горячо заговорил:

— Товарищ комиссар, я всё приготовил! И воронка большая! И лопатка есть! И Вы не один...

Женя, пересев поближе, обнял раненого политрука, крепко прижимая его к себе. Достал пистолет. Взял затвор. Вложил в руку:

— Прощай лейтенант Бороухин, прощай Пётр Васильевич.

Женя и старшина, переглянувшись, отошли в сторону.

Политрук, не выпуская пистолета, расстегнул пуговицу на правом нагрудном кармане. Достал помятую фотокарточку. Весёлый лейтенант, красивая молодая женщина в белом платье и две девочки с пышными бантами на коротко остриженных головках, радостно смеялись внезапному удару обрызгавшей их летней волне, так внезапно накатившей, по памятнику Затопленным Кораблям.

...Ветер вырвал карточку из внезапно ослабших пальцев и, вращая её, вихрем, понёс высоко наверх, безвозвратно растворяя в бездне небес.

— Старшина, как тебя зовут? — сидя на дне глубокой воронки, спросил Женя.

— Гетманцев Сергей Петрович — не сразу ответил седоусый моряк.

— Где служишь, Петрович?

— В интендантской роте снабжения, управления береговой обороны, комиссар. До этого был старшим баталером на «Червонной Украине». По призыву с начала войны и до потопления крейсера в 41-м.

Держа в руках планшет с документами младшего политрука, Женя посмотрел на лопатку.

— Петрович, давай и документы рядом с политруком тоже прикопаем? Начальство «эвакуировалось», сдавать некому, а немцу попасть документы никак не должны!

— У меня предложение получше — Петрович достал из матросских брючных бездонных карманов самодельную зажигалку из-под крупнокалиберной пулемётной гильзы.

— Первым делом — надо сжечь личные документы. Фашисты зараз вычислят кто есть кто, и — тотчас же, в расход. Другие документы попользуют — для ихней же разведки.

В небольшой костерок высыпали документы. Твёрдые дерматиновые обложки огнём сразу не схватывались, медленно тлея по краям. Ветер стих. Пламя аппетитно пожирало отдельные странички, но задерживалось, словно считывая, на чёрно-белых фотографиях, оставляя на какое-то время их нетронутыми. Обступая по краям, выгрызало вокруг портрета чёрную траурную каёмку, внезапно обозначив её искрящейся тлеющей кромкой. Под расплзающимся посредине лица коричневым ожогом, фото, словно живое, начинало двигаться, а затем вмиг чернело, оставляя от лица мгновенный

фотографический негатив. Летучий ажурный чёрный пепел, вспыхивающими искорками сожжённых листков, застывал и, раскачиваясь синим дымком, неспешно растворяясь, навсегда исчезал в дрожащем небесном знойном мареве.

— Ещё одна душа отлетела — сердито хмуря брови, старшина подбрасывал раскрытые документы в костёр.

— Товарищ комиссар, всё не решался спросить, как же ВЫ так войну прос...ли, а? «...от тайги до британских морей, Красная армия всех сильнее...» Это как комиссар? Где наша Красная армия? Где ваша домога? Почему мы все эти годы голодавшие, всё до последнего отдавая армии, сидим здесь разбитые, на последнем клочке, пока ещё нашей, русской земле!.. Молчишь? Нечего тебе сказать комиссар. Брали вы все эти годы! А ещё, — внутри, кругом одни враги! Сплошные шпионы! Ведь вроде перед войной очистились! Да?

Женя молчал, еле сдерживая злое раздражение от обвинения в его личной вине, за случившееся поражение. Обвинение справедливое и, в тоже время, несправедливое. Если виноваты — то все! Каждый на своём месте и каждый по-своему! А начало всех бед надо исчислять с 17-го года. Но и не он их единственный источник. Очень уж многое накопилось с тех пор. Настало время за всё рассчитаться. Внезапно вспомнилось библейское: «...мне отмщение, аз воздам!»

Резко повернувшись, прожигая взглядом собеседника, он хрипло бросил:

— Да, Петрович, очистились! И я, в том святом чистилище побывал. Почему? Да по вашим, якобы бдительным письмам трудящихся «куда надо», а на самом деле — корыстным, шкурническим доносам. Уж не ты ли их писал? А? Не вы ли в качестве понятых при обыске всё завистливо шарили глазами, потихоньку рассовывая по карманам, что плохо лежит?

— За что взяли, комиссар? — сбавляя обороты, сглаживая свою излишнюю запальчивость, как бы извиняясь, с любопытным участием спросил старшина.

— По доносу, Петрович, по доносу.

Вспоминая те события, лицо Жени стало отчуждённым, жёстким.

— В 37-м, после ночного обыска, на «чёрном воронке» отвезли на Ленина 37 (эх, этакий каламбурчик таки случился!). В НКВД.

После года ожесточённых боёв от Одессы до Севастополя, отступлений и болезненных поражений, тот внезапный, и в то же время, ожидаемый арест, теперь после всех бед, уже не представлялся задыхающимся внезапным и несправедным ужасом обрушившейся судьбы.

Привезли. По началу, было всё с канцелярско-бюрократическим равнодушием. Вопросы задавать нельзя. Произвели опись личного имущества. Узелок с вещами сразу отобрали и не развязывая, бросили в угол, в общую кучу таких же. Срезали все пуговицы. Вытащили шнурки. Несколько суток меня держали в подвале, в одиночке. Есть-пить-спать не да-

вали. В камере постоянно горел не выключаемый яркий свет. Во времени потерялся. Я изнывал, томясь в одиночестве. Почему не вызывают к следователю? Неужели забыли?

Нет — не забыли. Специально мариновали, чтобы ожиданием истерзал себя сам.

А затем — допросы. Избиения. И опять допросы. Я шёл по делу врага народа, Первого секретаря ЦК ВЛКСМ — Косарева и обвинялся в троцкистско-зиновьевском групповом заговоре. Признательные показания дали все мои подчинённые, а донос написал мой заместитель, обвиняя во вредительстве, терроризме и связях, со всеми, вместе взятыми иностранными разведками. Вспоминали посаженных и однокурсников по институту, и соратников по Крымскому обкому комсомола, и отца — царского офицера. А затем про меня на время позабыли. Как позже выяснилось, бдительные чекисты переключились на командование флотом. Работы им прибавил контрреволюционный военно-троцкистский заговор. Первым взяли командира Крымского укрепрайона комбрига Суслова, затем начальника политуправления флота Гугина и его зама, дивизионного комиссара Мустафина, которых я хорошо знал по совместной работе. Через них подступились к командующему Черноморским флотом, флагману флота 2-го ранга — Кожанову. Его, несущего конвоирами с допроса, я увидел мельком в коридоре тюрьмы. Это был «мешок с костями». Затем их всех расстреляли. Меня перевели в Симферопольскую тюрьму. Требовали дать пока-

зания на моего начальника, первого секретаря горкома ВКП (б) Борисова. Не смогли выбить. А он, умница, хозяйственник. Уцелел. Стал одним из организаторов и душой обороны Севастополя. Интересно, смог ли эвакуироваться на Кавказ?

— В чём обвиняли? А в том, что отстаивал теорию товарища Маркса, (как оказалось вредительскую), о возможности построения социализма у нас — ТОЛЬКО! после всеобщей победы всемирной революции. А товарищ Сталин доказал полную несостоятельность и преступную ошибочность этих взглядов. Как следствие, меня обвинили в оппортунизме и назначили троцкистом.

— А как выбрался из НКВД? — ошарашенный откровением, спросил старшина.

— Больше года просидел в тюрьме. А затем, «железный» нарком, товарищ Ежов вдруг неожиданно оказался врагом народа и агентом всех фашистских разведок сразу! А его сменщик, товарищ Берия, взял и отменил «головокружения от успехов» предшественника.

Вышел я со справкой по амнистии, с подозрением, но с погашенной судимостью и поражением в правах. На прежнее место возвращаться не захотел — не смог бы смотреть доносчикам в глаза! Придушил бы! Пошёл рыбаком-артельщиком в рыбколхоз «Путь Ильича», здесь неподалёку, в Камышовой бухте. А через некоторое время и объявили комсомольско-партийный призыв политработников в армию. С трудом, но всё же, взяли. Это я потом понял — к войне го-

товились. Большой войне. Потому и амнистию затеяли.

Женя молчал, мысленно вернувшись к событиям несправедного, но теперь понимаемую им, логику закономерного ареста. Побой на допросах. Унижение и боязливое отчуждение знакомых, отводящие глаза и при встрече, перебегающих на другую сторону улицы. Но, в тоже время, — безоглядную преданность и верность, не убоявшихся неизбежных ударов слепого молоха, близких.

— Петрович, а ты где был в Гражданскую? Воевал?

Петрович вздрогнул от неожиданного вопроса, чувствуя явный подвох.

— В Красной Армии, комиссар. А что?

— С какого времени и, на каких фронтах? — не унимался политрук.

— С начала 1918-го — всматриваясь в глаза, осторожно продолжил старшина:

— Всем экипажем зимой на Дон отправились, генерала Корнилова задавить. К нему из Севастополя утекли недобитые нами офицеры. Очень мы на них злые были. Но вышло всё иначе — они нас побили! Очень крепко побили. Короче: вышибли нас с Дона. А потом германец и добил нашу братву на Перекопе. Бежали в Севастополь. Притихли. Когда немец вошёл, кайзер сразу потребовал передать все черноморские корабли Германии. Тут и началось. Где Андреевские флаги поднялись, где украинские ихней Центральной Рады, где ещё и наши — красные, оставались. Под шумок,

удалось на линкоре «Свободная Россия» (бывший дредноут «Императрица Екатерина Великая») в Новороссийск уйти. А туда вскоре Деникин с англичанами зашёл. Хорошо запомнил обстрел города их крейсером «Кентербери». 6-дьюмовками дубасили, я как комендор в этом разбираюсь. Так вот — бежали без оглядки аж до самого Царицына. Там в обороне с товарищем Сталиным бились...

— Да знаю я это, по «Краткому курсу истории ВКП (б)». А дальше? — нетерпеливо перебил Женя.

— А дальше — Польская кампания. Под Варшавой ранен был. Чудом в панский плен не угодил... домой, уже наш, Советский Севастополь, попал только в 21-м.

— В расстрелах офицеров, наверное, участвовал? Так? — не унимался политрук.

— Нет комиссар, Бог миловал. Нет за мной, на этот раз, одного греха. Комиссован по ранению был. Осколок лёгкое пробил. Кровью харкал. На морзавод слесарем устроился.

А о расстрелах знал... хлопцы баяли, что на Максимовой усадьбе беляков пачками стреляют. Могилки чуть присыпали до следующей партии. Потом всю ночь земелька шевелится, да стон стоит. На баржах их ещё в море вывозили. Пустыми возвращались... а потом голод начался. Уже не до этого было.

— Скверная история, старшина. Взяв Крым, товарищ Фрунзе всем белогвардейцам пообещал прощение и полную амнистию. Только зарегистрироваться надо. Но вскоре Троц-

кий прислал своих комиссаров Землячку и Бела Куна. Они-то расстрелями, по регистрационным спискам, и наплевали на большевистское «честное слово».

Молчали. Тяжело молчали, вспоминая каждый своё.

— Комиссар, так с какого года ты в армии?

— Недавно Петрович. С 1939-го. А что?

— Струнка у тебя командирская есть. Я в этом разбираюсь. На флоте с 916-го года. Много успел повидать.

Мужчины молча смотрели на догорающие документы.

— Комиссар, а как ты так быстро дослужился до старших командиров? Ведь не кадровый же?

— Война, брат. Я ведь начинал также, младшим политруком — Женя кивнул в сторону свежей могилки: — а затем, уж часто стали должности освобождаться. Третью шпалу получил на Первомайские праздники, после того как присыпал сырой землицей предшественника. Такие-то дела, Петрович.

— Слышать мне тебя ранее приходилось, складно баешь. Словно братишка из соседнего кубрика... а ты, вообще севастополец?

— Севастополец? Ох, ещё какой севастополец!

Потомственный севастополец. Знающий свою родню с чумных бунтов 20-х годов XIX века. Проживали они тогда в Карантинной слободке («Нахаловке»), среди осевших после службы и приживших семьи, отставных матросов. Прадеды его здесь, рядом со стенами родных домов, на бастионах сра-

жались в Крымскую.

Суровый, неразговорчивый отец — тоже служивый. Из матросов перешёл на сверхсрочную — кондуктором. А затем стал младшим офицером, дослужившись до мичмана на эскадренном броненосце «Ростислав», под командованием августейшего командира Великого Князя Александра Михайловича. В конце службы получил «Георгия» 1-й степени. За что? Молчок. Папа никогда не рассказывал. Потом, значительно позже, Женя догадывался, что награда, скорее всего, за верность Царю, Отечеству и Присяге после смуты 1905 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.